

№152 2019 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» попросила поделиться соображениями и ответить на два вопроса: отношение к Стене скорби — памятнику жертвам репрессий, установленному властями в Москве; отклик в регионах на московские протесты лета 2019 года и последовавшие за ними аресты и приговоры.

АЛЕКСАНДР МАСЛОВ, МУРОМ

«У нас в городе ничего подобного московским протестам не происходит. Но у молодежи сформировалось мнение о том, что эти задержанные молодые люди просто хотели высказать свое мнение.

Некоторые комментаторы говорят, что это-де инспирировано с Запада. Мое же мнение — людей действительно задело за живое.

В целом хорошо, что памятник в Москве все же установили. Но плохо, что это произошло без участия «Мемориала».

НЕЛА ЛАРИШОВА, ЧЕХИЯ

«О нынешних демонстрациях в Москве достаточно обширно информируют все чешские серьезные СМИ, есть много комментариев, обсуждается позиция официальных российских СМИ и вмешательство полиции сравнивается с ситуацией до Бархатной революции в Чехословакии в 1989 году.

Мы лично были в шоке от жестокости, с которой были задержаны протестующие.

Очень хорошо, что существует такой памятник, который был построен с высшей государственной поддержкой.

Удивляет, что в его (Президента) речи не прозвучало ничего о том, кто ответственен за эти репрессии.

МИХАИЛ РОГАЧЕВ, СЫКТЫВКАР

«Я разделяю позицию «Мемориала» — общероссийский памятник должен быть. И правильно, что он есть.

А вот то, что право на него узурпировала власть, — это мне нравится гораздо меньше.

— Какое может быть отношение к чистому разгрому властями протестов обществу? — Только отрицательные.

Подробнее на с. 2

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

27-28 сентября 2019 года в Екатеринбурге прошла 12-я Международная научная конференция из цикла «История сталинизма». Тема конференции — «1929: «Великий перелом» и его последствия».

Период конца 1920-х — начала 1930-х годов напрямую связан с усилением государственного террора, созданием огромной лагерной системы принудительного труда и спецпоселений, массовым голодом. Именно в этот период были заложены основы развития советской системы управления.

Помимо конференции, в Екатеринбурге прошло выездное заседание Правления «Международного Мемориала». Члены правления побывали на мемориальном комплексе «12 километр». Там сложилась непростая ситуация в связи со строительством биатлонного спорткомплекса в непосредственной близости от мест массовых захоронений расстрелянных.

Газета «30 октября» поговорила с участниками конференции о том, какие темы они считали наиболее интересными и что думают о развитии ситуации с биатлонным комплексом.

Окончание на с. 6

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ «МЕМОРИАЛА» БОЛЬШЕ НЕ ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ПОЛИТРЕПРЕССИЙ

Отдельного музея политрепрессий «Следственная тюрьма НКВД» в структуре Томского краеведческого музея уже нет. Он вошел в состав Центра изучения исторической памяти. Василий Ханевич, член Правления «Международного Мемориала», рассказал о перспективах работы в новом центре.

В рамках соглашения, подписанного 25 июля региональным департаментом по культуре с Государственным музеем истории ГУЛАГа, в Томском областном краеведческом музее создан Центр изучения исторической памяти. К такому решению власти пришли по итогам визита в Томскую область в марте председа-

тателя Совета по правам человека при Президенте РФ Михаила Федотова. Василий Ханевич возглавлял Мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» в Томске более 30 лет, с момента его основания в 1989 году. С октября его статус изменился. Он рассказал

о том, какие с 1 октября произошли изменения: «В настоящее время образован Центр изучения истори-

Окончание на с. 7

В ПОДДЕРЖКУ ФИГУРАНТОВ «МОСКОВСКОГО ДЕЛА»

Правозащитники, вслед за актерами, учителями, священниками и представителями других сообществ, выступили в поддержку фигурантов «московского дела», требуя его прекращения и освобождения арестованных в связи с событиями 27 июля и 3 августа 2019 года.

«С первых часов дело стало исключительным даже по меркам подобных уголовных дел последних лет: и по числу вовлеченных ведомств и их представителей, и по размаху оперативных и следственных действий, и по грубости нарушений законодательства», — говорится в заявлении.

Зафиксированное «ОВД-Инфо» число задержанных на массовых акциях протеста 27 июля и 3 августа — уступает разве что событиям «Малой гражданской войны» октя-

бря 1993 года¹, — при том, что на этот раз не было ни массовых беспорядков, ни насилия со стороны митингующих. Источником насилия и «беспорядков», если уж на то пошло, были силовики, нападавшие на мирных граждан, находившихся на улицах своего города, — отмечают в заявлении правозащитники ПЦ «Мемориал».

Однако тут же началась фабрикация дела о «массовых беспорядках» и чуть ли не о «майдане». Оперативники и следователи до-

прашивали сотни задержанных по заготовленным опросникам: «Кто ими руководил?» и «Кто им заплатил?». Выискивали «иногородних», якобы направленных в Москву, и тому подобное.

Жалобы на незаконные действия полиции и Росгвардии были опять-таки безрезультатны. В московских судах торжествовало беззаконие. В отношении задержанных действовал «конвейер»: решения по административным делам выносились по заготовленному шаблону, без учета обстоятельств, — на сайт суда по недосмотру был выложен этот «шаблон». Так же «расследовались» и рассматривались уголовные дела: защита, по сути, была

лишена возможности представлять свидетелей и доказательств. «В последние недели некоторым из арестованных и осужденных по «московскому делу» изменили меру пресечения, с кого-то вообще сняли обвинения. Может показаться, что власти идут на попятную, — то ли осознав неуспех политики грубой и тупой силы, то ли под давлением российской общественности и мирового сообщества. Однако аресты продолжают, а ранее арестованным продлевают сроки содержания под стражей», — отмечается в письме.

«Нет никаких оснований для квалификации московских событий 27 июля и 3 августа как массовых беспорядков. Дело по статье 212 УК РФ должно быть прекращено за отсутствием события преступления.

Неправомерно и применение статьи 318 УК РФ. Действия обвиняемых и осужденных за «применение насилия в отношении представителя власти» либо вовсе не были та-

Окончание на с. 2

Дорогие читатели!
Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2019 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

80 лет самому дерзкому антисталинскому памфлету **с. 3**

Контрреволюционные доводы Ворошилова **с. 6**

Последний адрес в Германии **с. 7**

Безумная противоречивость или мозаичность Бориса Савинкова **с. 8**

Новая книга о «Харбинской операции» **с. 9**

Борис Меньшагин: правозащитник, бургомистр, свидетель **с. 10**

В ПОДДЕРЖКУ ФИГУРАНТОВ «МОСКОВСКОГО ДЕЛА»

➤ Окончание. Начало на с. 1

ким насилием и даже формально не содержат признаков преступления, либо не представляли общественной опасности, которая позволила бы рассматривать их как преступление. Эта квалификация тем более обоснована, учитывая тотальный запрет на свободу собраний московскими властями и вопиющие нарушения избирательных прав граждан, ставшие поводом для протеста.

В поддержку обвиняемых по «московскому делу» публично выступили актеры, священники, журналисты, врачи, учителя и представители других профессий. После общественной кампании актера Павла Устинова отпустили из СИЗО под подписку о невыезде, а с активиста Алексея Миняйло сняли обвинение в участии в массовых беспорядках.

«Не оставлять усилий, требуя прекращения «московского дела» и освобождения арестованных», — призвали правозащитники. Они подчеркнули, что необходимо отменить обвинительные приговоры по уголовным делам, связанным с московскими летними протестами. «Прекращение уголовного преследования части обвиняемых по статье 212 УК РФ и освобождение из-под стражи и части обвиняемых, и уже осужденного Павла Устинова — шаг в правильном направлении, но этого совершенно недостаточно».

Правозащитники требуют отмены обвинительных приговоров по делам о событиях 27 июля и 3 августа 2019 года в Москве, прекращения уголовного дела по статье 212 УК РФ и прекращения уголовного преследования обвиняемых по статье 318 УК РФ, их немедленного освобождения из-под стражи и из-под домашнего ареста, а также — проверки законности применения полицейскими и росгвардейцами силы и спецсредств к участникам массовых акций на предмет наличия в их действиях признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 286 УК РФ.

«Московское дело» было возбуждено после акций протеста 27 июля и 3 августа в Москве, на которых митингующие требовали допустить независимых кандидатов на выборы. Изначально оно расследовалось как дело о массовых беспорядках. Впоследствии обвинение в беспорядках было снято с подавляющего большинства арестованных. К различному сроку заключения по статье о нападении на полицейских были приговорены Кирилл Жук, Иван Подкопаев, Евгений Коваленко и Данила Беглец. Павел Устинов получил условный срок. Кроме того, Константин Котов получил 4 года лишения свободы по статье о неоднократных нарушениях на митингах, а Владислав Синица — 5 лет за твит, в котором усмотрели угрозы детям сотрудников Росгвардии. Еще несколько человек находятся под следствием.

29 сентября в Москве прошел митинг в поддержку обвиняемых по Московскому делу, на который пришли от 20 (данные МВД) до 25 (данные «белого счетчика»³) тысяч человек.

По материалам Правозащитного центра «Мемориал», ОВД-инфо

1. Осенью 1993 года резко обострился конфликт между российской исполнительной властью во главе с президентом Борисом Ельциным и законодательной властью во главе с председателем Верховного Совета РФ Русланом Хасбулатовым. В начале октября этот конфликт вылился в вооруженное противостояние, в результате которого, по официальным данным, погибли не менее 157 человек.

2. Всего 24 человек являются фигурантами Московского дела. По данным ОВД-Инфо на 22 октября 2019 г.

3. Белый счетчик — неформальное, некоммерческое объединение волонтеров, ведущих подсчет людей на митингах и шествиях с целью публичного распространения полученных промежуточных и окончательных результатов.

➤ Окончание. Начало на с. 1

«30 октября» открыла новую рубрику для того, чтобы мемориальцы делились вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, изучение которых позволит не совершать аналогичные.

ЛЮДМИЛА БАЗАРОВА, КУРГАН

Сейчас мы готовимся к 30 октября, Дню памяти жертв политических репрессий. Мы занимаемся исследованиями, проводим встречи в школах и библиотеках. Также стараемся каждый год посещать мемориальную церемонию на Золотой горе в Челябинске — там лежат многие курганцы. Пытаемся договориться об установке памятника жертвам репрессий там, где стоит закладной камень (уже есть проект местного скульптора Голошапова в виде «Реквиема памяти»), и о благоустройстве сквера. Недавно провели «круглый стол» по этому поводу с участием скульпторов, представителей отдела архитектуры и строительства и отдела социальной политики городской администрации. В ноябре пройдет второй «круглый стол». Также планируем отметить в этом году двадцатилетие Курганского «Мемориала», который был зарегистрирован в сентябре 1999 года. И хотелось бы издать книгу воспоминаний основателя Курганского «Мемориала» Михаила Шангина, который из-за неудачно сказанных слов в 17 лет стал политзаключенным.

— Что памятник в Москве есть — это, безусловно, хорошо и будет способствовать сохранению памяти о репрессиях. А что касается места, на мой взгляд, оно все-таки слишком шумное для памятника. (Комментировать московские протесты для публикации Людмила Базарова не смогла в силу личных обстоятельств — Примеч. «30 октября».)

АЛЕКСАНДР МАСЛОВ, МУРОМ

Прежде всего сейчас готовимся к 30 октября. Также планируются встречи с молодежью в школах и колледжах. Кроме того, буквально сегодня по электронной почте мы получили известие, что выиграли грант «Международного Мемориала» «Пострадавшие за Христа», и будем проводить соответствующие исследования в горо-

дах нашей области. Отношения с властями двойственные. С одной стороны, — 30 октября на церемонии «Возвращение имен» будут руководители городского совета депутатов, представители городской администрации, пройдет панихида по невинно убиенным и так далее. С другой — с нас впервые за 25 лет стали брать плату за отопление. Денег нет, так что мне приходится платить из собственной пенсии.

— В целом хорошо, что памятник в Москве все же установили. Но плохо, что это произошло без участия «Мемориала». На мой взгляд, и место было выбрано не очень удачно (может быть, стоило подыскать другое) — на проспекте Сахарова шумно, и людям будет трудно прогуливаться в атмосферу памятника. А так он, конечно, производит сильное впечатление. Но люди все равно будут ходить к камню на Лубянской площади. Там, как говорят верующие люди, «намоленное место».

— У нас в городе ничего подобного московским протестам не происходит. Но у людей, преимущественно у молодежи, я это точно знаю, сформировалось мнение о том, что эти арестованные и задержанные молодые люди просто хотели высказать свое мнение. Некоторые комментаторы говорят, что это инспирировано с Запада. Мое же мнение: людей действительно задело за живое — почему люди, желающие работать для москвичей, не попали в избирательные бюллетени, а попали туда представители одной только партии? (Кандидаты шли не от партии, а как самовыдвиженцы, не от одной партии, но близкие к ней. — Примеч. «30 октября».)

МИХАИЛ РОГАЧЕВ, СЫКТЫВКАР

Мы работаем. Недавно прошла республиканская краеведческая конференция «XX век в истории Коми края», где были наши люди из Сыктывкара, Сосногорска, Печоры. Сейчас готовимся к 30 октября. 29-го проведем традиционную акцию «Возвращение имен». Отношения с властями у нас ровные — они нам не мешают.

В начале года Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние» выпустил нашу книгу, посвященную репрессиям против православных священнослужителей, монахов и мирян. Она вышла как первая часть тринадцатого тома «Коми республиканского мартиролога политических репрессий». В книгу вошли 362 статьи о священниках, епископах, монахах и мирянах — либо жителей Коми, либо тех, кто был повторно осужден здесь, отбывая наказание (заключение или ссылку), а также очерк истории церкви в крае в 1920—1960-х годах.

Во втором томе будет опубликовано около тысячи биографий тех священнослужителей, монахов и мирян, которые были сосланы в Коми АО — Коми АССР или отправлены в здешние лагеря ГУЛАГа. Тираж первой части — 800 экземпляров. Издание было осуществлено совместно с Сыктывкарской и Коми-

Зырянской епархией. Епархия помогала нам в сборе сведений. Совместно и рассылали книгу по библиотекам и приходам. Спрос был такой, что пришлось даже допечатывать тираж.

— Я разделяю позицию «Международного Мемориала»: общероссийский памятник должен быть. И правильно, что он есть. А вот то, что право на него узурпировала власть, мне нравится гораздо меньше.

— Каким может быть отношение к чистому разгрому властями протестов общественности? Только отрицательным! Возмущает и то, что для задержаний пытаются найти идеологическое обоснование — что это, мол, посланцы Запада мутят обстановку.

СЕРГЕЙ ПЛЮСОВ, УЛЬЯНОВСК

Честно говоря, у нас дел полно. Недавно я вошел в состав Совета по правам человека при губернаторе. 19 октября провел «круглый стол» с участием представителей областной администрации, МВД, Симбирской епархии. Местом проведения стал малый зал Законодательного собрания области, что подчеркивает его важный статус. Основная тема — выполнение Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Также наше предложение — создать межведомственные рабочие группы по реализации Концепции. Там же обсудили обозначение границ массовых захоронений (так получилось, что место массовых расстрелов советского периода, где стоит небольшой памятник, сейчас находится в центральной части города, и поэтому эта проблема очень актуальна для всех). При этом я четко обозначаю, что я не пошел на службу в администрацию. Я независимый, но готов взаимодействовать с администрацией по каким-то вопросам. Из-за этого меня сперва встречают подозрительно, потом, впрочем, отношения нормализуются. Тем более что у многих чиновников родственники были репрессированы. Хотя, конечно, есть там люди, говорящие: давайте сначала ветеранами войны займемся, а вот потом уже — репрессированными. В этом случае я говорю «Нет!» и стараюсь переубедить их. Есть и те, кто как-то побаивается самого словосочетания «жертвы политических репрессий». Им я объясняю, что бояться ничего не нужно.

— Если государство как-то увековечивает память репрессированных — это хорошо, они давно заслужили право на это. Главное — не останавливаться и двигаться дальше. Например, создавать межведомственные рабочие группы по реализации Концепции, по типу той, создание которой я лоббирую в своем регионе.

— Конечно же, мне не нравятся аресты и избиения. Но могу сказать еще и то, что не вижу в регионах (в том числе и у нас) практически никакой реакции на эти события. В Москве есть активная молодежь, а здесь ее нет. Все прекрасно понимают, что там происходит, но молчат.

НЕЛА ЛАРИШОВА, ЧЕХИЯ

У Чешского «Мемориала» нет своей собственной деятельности. Это, скорее, сообщество людей из разных других организаций, которые так или иначе уже развивают проекты, связанные с мемориальскими темами. Главной нашей целью является поддержка «Мемориала» как такового, его популяризация в чешском обществе, обмен контактами и информацией между российским «Мемориалом» и чешскими исследователями. Непосредственными и косвенными результатами этого сотрудничества являются, например, проекты чешского «Последнего адреса» или чешской версии «Возвращения имен».

— С одной стороны — очень хорошо, что существует такой памятник, который был построен с высшей государственной поддержкой. Слова Путина о том, что репрессии нельзя забыть, тоже хороши и важны, однако немного удивляет, что в его речи не прозвучало ничего о том, кто ответственен за эти репрессии. Ни разу он не сказал такие слова, как «советский», «Сталин», «государственный террор». Также жалько, что не были упомянуты жертвы не из числа граждан СССР — среди них были и тысячи чехов, и представители других народов Европы и даже Соединенных Штатов.

Советские репрессии — это история не только России и СССР, это дело и трагедия мирового значения. Казалось, что открытие этого памятника российское государство как будто бы сказало: «Все, жертвы увековечены, не надо темой дальше заниматься». Посмотрите, что сейчас творится — в Пермском крае возбуждают уголовное дело за то, что местные волонтеры вместе с литовцами очищали заброшенное кладбище. В Сандармохе экспедиция РВИО старается поставить под сомнение наличие жертв (в том числе и чешских) советского террора. Во время открытия памятника, наоборот, надо было сказать: «Сейчас все только начинается, давайте как можно больше все исследовать». Но, увы, вместо этого, видимо, началась какая-то странная гибридная война за интерпретацию истории.

— О нынешних демонстрациях в Москве достаточно обширно информируют все чешские серьезные СМИ, есть много комментариев, обсуждается позиция официальных российских властей, а вмешательство полиции сравнивается с ситуацией до Бархатной революции в Чехословакии в 1989 году.

Мы лично в шоке от жестокости, с которой были задержаны протестующие. Выражаем солидарность задержанным и их семьям и благодарим юристов, которые взяли за их защиту в судах.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

Фото Людмилы Базаровой, Александра Маслова и Нелы Ларишовой — из личных архивов спикеров.

Фото Сергея Плюсова и Михаила Рогачева — из Пресс-службы «Международного Мемориала»

КРАСНЫЙ КУРЬСКИЙ

80 лет назад, 1 октября 1939 года, был напечатан самый дерзкий антисталинский памфлет. О его авторе Федоре Федоровиче Ильине (Раскольникове), моряке, дипломате, писателе, редко вспоминают в постсоветской России. Ни на флоте — хотя полвека назад планировалось перенести его прах из Ниццы в Кронштадт, где в 1917 году молодой мичман стал вождем мятежных матросов. Ни в МИДе — ведь финал его дипломатической карьеры вряд ли способен служить примером для студентов МГИМО. Быть может, только в литературных кругах не совсем забыт человек, избравший своим псевдонимом имя философствующего убийцы из романа Достоевского, и чья биография тесно связана с великими именами Николая Гумилева, Михаила Булгакова, Ильи Эренбурга...

Он одинаково неубоен и коммунистам (он осознал себя таковым до конца жизни), и борцам с коммунизмом (хотя удар, который он нанес по сталинскому режиму, мог бы в другой ситуации вызвать в стране политический катаклизм)... Его жизнь похожа на авантюрный роман — в 1917-м стремительный взлет — из петроградской тюрьмы к должности заместителя наркома военно-морских сил. Летом 1918 года — командовал затоплением в Новороссийске Черноморского флота (чтобы не сдавать его Германии, захватившей Севастополь), в конце того же года — рейд на эсминце из Кронштадта в Ревель, уже ставший Таллином, и затем полгода в английском плену. В 1921-м — резкая смена карьеры — Раскольников идет в Афганистан, где представляет молодую республику Советов и за два года наносит интересам Британской империи такой урон, что лорд Керзон в своем ультиматуме категорически потребовал его отъезда из Афганистана...

Мы расскажем только о последнем годе его жизни и о самом известном его произведении, написанном перед смертью.

В начале 1938 года 46-летний «старый большевик», участник Октябрьской революции, бывший командующий Балтийским флотом, дипломат, с 1934-го полпред (полномочный представитель, так тогда называли послов) СССР в Болгарии Федор Раскольников оказался перед мучительным выбором.

В 1937-м десятки его коллег-дипломатов, в том числе такие же, как он, герои Октября, были отозваны в СССР и исчезли. Мрачные предположения об их судьбе подтверждала советская печать, иногда там появлялись сообщения о приведении приговоров в исполнение. Для заманывания в СССР использовались обманчивые приемы. Так, весной 1937-го уехал в Москву Лев Карахан — старинный знакомый Раскольникова еще по большевистскому подполью. Он был полпредом в соседней с Болгарией Турции. Карахану намекали, что его ждет назначение в США. Через полгода стало известно, что он расстрелян как враг народа. Осенью 1937-го в советских газетах было опубликовано постановление о назначении народного комиссаром юстиции Владимира Антонова-Овсеенко — дипломата, работавшего в охваченной огнем гражданской войны Испании. Когда он вернулся в СССР, его немедленно арестовали. Раскольникову было ясно, что Сталин целенаправленно уничтожает его поколение ветеранов революции.

Уже несколько месяцев руководство Наркомата иностранных дел приглашало Раскольникова приехать в Москву для обсуждения нового назначения, намекали, что речь пойдет о более высоком poste. Дипломат медлил с ответом, сообщал, что в посольстве нет человека, который мог бы его заменить. В начале 1938 года такие сотрудники появились. Раскольников все откладывал сборы в Москву, новый предлог — рождение ребенка, которому вредны поездки. Наконец, телеграммы наркома Литвинова становятся категорическими: «Почему не выезжаете?» Полпред нашел еще одну отсрочку, он попросил разрешения совместить командировку с очередным отпуском, так его отъезд в Москву откладывался до начала апреля. Литвинов согласился при условии — отпуск провести в СССР. К этому времени невозвращенцами уже стали два молодых советских дипломата (Александр Бармин и Федор Бутенко).

Телеграмму в Москву с сообщением о выезде Раскольникова дал, но преследовала мысль о том, что его ждет на родине... Момент истины наступил, когда в купе принесли советские газеты. На 4-й странице «Известий» он прочел: «Президиум Верховного Совета СССР освободил Раскольникова Ф.Ф. от обязанности полномочного представителя СССР в Болгарии». Кроме того, перед фамилией отсутствовала одна строчная и не очень заметная буква т. — товарищ, это означало, что в Кремле его товарищем больше не считали...

Решение он принял немедленно. Пассажир с женой и ребенком на ближайшей крупной станции выходит из вагона и пересаживается на поезд в Брюссель. Дипломатический паспорт был действителен до ноября 1938-го, это позволяло свободно передвигаться по Европе. Бывший дипломат решает писать воспоминания, переводить свои пьесы на французский и жить, не занимаясь политикой. Летом семья перебирается во Францию, сперва в Версаль, затем в Париж.

Раскольников очень недоволен, когда на парижской улице его встретил знакомый болгарский журналист и набросился с расспросами. Кратко ответил, что лечится и отдыхает, а затем собирается вернуться в СССР. Когда срок действия его паспорта подходил к концу, Раскольников обратился в советское посольство в Париже, которым руководил его хороший знакомый Яков Суриц. Приглашения явиться в посольство Раскольников не принял, он пришел на квартиру Сурица, полагая, что там будет более безопасно. Не предложив Раскольникову сесть, Суриц заявил, что о продлении паспорта не может быть и речи, что он должен немедленно вернуться в Москву, где ему «ничего не угрожает». Раскольников ответил, что увольнение с поста пошла было сделано заочно и в оскорбительной форме, поэтому его пребывание за рубежом является вынужденным. Суриц предложил написать об этом письмо Сталину.

Раскольников последовал совету. Он обращается к вождю «Дорогой Иосиф Виссарионович» и уверяет в том, что «не за страх, а за совесть поддерживаю» его партийную линию. Односторонняя переписка со Сталиным начинается 18 октября 1938 года.

В воспоминаниях Ильи Эренбурга, написанных через четверть века, говорится: «Ф.Ф. Раскольников (он был тогда полпредом в Болгарии) пришел ко мне и тоже [до этого он был у Сурица. — публ.] спрашивал, как ему быть. Я с ним встречался в Москве в двадцатые годы, когда он редактировал «Красную новь», он был веселым и непримиримым. Я помнил, какую роль он сыграл в дни Октября. А теперь он сидел у меня на улице Котантен, рослый, крепкий и похожий на обезумевшего ребенка; рассказывал, что его вызвали в Москву, он поехал с молодой женой и грудным ребенком: в дороге жена плакала, и вдруг из Праги он поехал не в Москву, а в Париж. Он повторял: «Я не за себя боюсь — за жену. А она говорит: «Без тебя не останусь...» Я звал некоторых невозвращенцев: Беседовского, Дмитриевского, это были перебежчики, люди морально нечистоплотные. Раскольников на них не походил; чувствовалось смятение, подлинное страдание». А в донесении Сурица, направленном в Москву 6 июля 1938 года, говорится, что именно от Эренбурга, оставившего в посольстве записку, полпреду стало известно о том, что Раскольников приехал в Париж и

что «он [Раскольников] заявил, что остался как был коммунистом и совгражданином». «Ехал в Москву, а по дороге, в Чехословакии, узнал о своем смещении без указания «товарищ». Что он писал товарищам Сталину и Потемкину [зам. наркома иностранных дел], что он не хочет никак выступать против СССР, что боится, не был ли (или не будет ли) лишен советского гражданства, что думает жить литературной работой, а имеет печат дезертира»...

Ответа ни из Москвы, ни от Сурица Раскольников не получил. В феврале 1939 года в его семье случилась трагедия — от энцефалита умер маленький сын, уже начавший ходить. Раскольников почти все время проводит с женой, а потом решает уехать из Парижа. В мае супруги уезжают на Лазурный берег, живут в маленькой вилле, которая недорого сдавалась на весну и лето (среди неожиданных встреч и знакомств — нобелевский лауреат Иван Бунин, живший по соседству). Раскольников работает над мемуарами, фрагменты из них будут опубликованы через много лет («Сталин в театральных креслах», «На даче Молотова», «Величие и падение Демьяна Бедного»). Постепенно складывается замысел книги (он собирался ее назвать «Кремль. Записки советского посланника»). Супруги начали думать о возвращении в Париж и о том, где можно будет напечатать эту книгу. Именно тогда Раскольников узнает о том, что 17 июля объявлен в Советском Союзе вне закона за то, что «дезертировал с поста, перешел в лагерь врагов народа и отказался вернуться в СССР». «Вне закона» означало расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности!

Хотя внутренне Раскольников был к этому готов, тем не менее, стало ясно, что спокойной жизни, на которую он рассчитывал, во Франции не будет. Раскольников немедленно начинает писать ответ, который он озаглавил «Как меня сделали «врагом народа». 22 июля Раскольников заканчивает свой эпистолярный ответ и посылает его во французские и русские газеты в Париже. Он еще оправдывается, опровергает обвинения по пунктам. Решение Верховного суда называет издевательством над правосудием: «Это постановление лишний раз бросает свет на сталинскую юстицию, на инсценировку пресловутых процессов, наглядно показывая, как фабрикуются бесчисленные «враги народа» и какие основания достаются Верховному суду, чтобы приговорить к высшей мере наказания». В завершение письма автор требует пересмотра дела и предоставления ему возможности защищаться. 26 июля письмо было опубликовано в парижской эмигрантской газете «Последние новости».

В Москве начали готовить ликвидацию Раскольникова. Сохранилось письмо Лаврентия Берия к Сталину с пересказом ответа Раскольникова, на документе — рукописная помета (с датой 31 июля) наркома внутрен-

них дел, вероятно, продиктованная вождем на приеме 29 июля или по телефону². Заместителем начальника внешней разведки (5-го управления ГУГБ НКВД) Павлу Судоплатову (в этот момент он готовил убийство Троцкого) предписывалось: «1) Надо точно установить, где находится [Раскольников]. Как будто нами послан для этого специальный человек. 2) Продумать мероприятия по обезвреживанию». Если бы они — Сталин, Берия и Судоплатов — знали, какой удар готовит опальный дипломат...

ТО САМОЕ ПИСЬМО

Раскольников решил продолжить переписку с тираном. В отличие от предыдущего послания, вместо защиты от ложных обвинений теперь обвинителем становится он сам. Впечатляет избранный им тон — наступательный, взволнованный и грозный:

«Сталин, Вы объявили меня вне закона. Этим актом Вы уравнили меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под Вашим могуществом живут вне закона. Со своей стороны отвечаю полной взаимностью — возвращаю Вам входной билет в построенное Вами «царство социализма» и порываю с Вашим режимом».

«Открытое письмо Сталину», точка в котором была поставлена 17 августа 1939 года, представляет собой, по сути дела, лаконичное обвинительное заключение. В нем перечислены преступления генерального секретаря ЦК ВКП(б) против партии, которую он возглавил, узурпировав и подменив «ленинское наследие», против Красной армии, против экономики, науки и культуры СССР. «Ленинская гвардия» истреблена, а жизненные силы страны ослаблены террором. Раскольников перечислил десятки имен выдающихся революционеров, военных, дипломатов, писателей, деятелей искусства, расстрелянных или арестованных за последние три года (часть из них подвергнута унижительной процедуре «покаяния» на показательных процессах, где им пришлось признаваться в неслыханных злодеяниях, часть бесследно исчезла). Последним в списке «исчезнувших» Раскольников называет имя арестованного в июне 1939-го великого режиссера Всеволода Мейерхольда.

Бичевал Раскольников и беспринципную внешнюю политику Сталина: вместо твердого курса на создание антигитлеровской коалиции, на «скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией» вы колелблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник, между двумя осями». (Уже четвертый месяц, с апреля 1939 года, в обстановке открыто готовившегося Гитлером нападения на Польшу продолжались англо-франко-советские переговоры о заключении антинацистского военно-политического союза.) Заканчивал письмо Раскольников выражением уверенности в том, что рано или поздно со-

ветский народ положит конец произволу и посадит самого Сталина на скамью подсудимых.

Идеологически Письмо (для краткости мы далее будем обозначать его так) предвосхищает и оттепель, и горбачевскую перестройку. Главные тезисы Письма, хрущевского доклада о «культе личности» и многих знаковых перестроечных выступлений совпадают прежде всего в оценке личных качеств Сталина.

Мысль о гуманном социализме не так легко заметить в риторике трибуны, но все же она звучит в Письме: «Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку». И все же главное в Письме — вызов, брошенный тирану: «Над гробом Ленина Вы принесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить, как зеницу ока, единство партии. Клятвоступник, Вы нарушили и это завещание Ленина. Вы оболгали и расстреляли многих соратников Ленина — Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других, невиновность которых Вам хорошо известна. Перед смертью Вы заставили их каяться в преступлениях, которых они не совершали, и начали мазать их грязью с головы до ног. А где герои Октябрьской революции? Где Бубнов? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко? Вы арестовали их, Сталин. Где старая гвардия? Ее нет в живых. Вы расстреляли ее, Сталин».

Отдавая текст жене для перепечатки, Раскольников сказал: «Я никогда еще так не писал. Даже если я уже ничего больше после этого не напишу, буду считать: жизнь прожил не зря». Действительно, он больше не успеет ничего написать, Письмо станет его политическим завещанием. Перепечатанные экземпляры он немедленно начал рассылать. В Париж — в газету «Последние новости», где было напечатано предыдущее послание. В Болгарию — в редакцию газеты «Утро» (в 1963-м партследователь, занимавшийся реабилитацией Раскольникова, выяснил, что Письмо не было опубликовано и хранилось в архиве болгарской политической полиции). Виктору Сержу — франко-бельгийскому революционеру, освобожденному из оренбургской ссылки и уехавшему в 1936 году из СССР после широкой международной кампании в его защиту. Бывшему дипломату Бармину — своему предшественнику по разрыву с СССР, уже напечатавшему автобиографию. И еще одному человеку — Борису Суварину. Нам неизвестно, как оценил Письмо бывший коммунист, один из основателей компартии Франции, в 1924-м исключенный за троцкизм. Зато суваринский экземпляр привлек внимание члена троцкистского IV Интернационала Марка Зборовского.

Только через пятнадцать лет стало известно, что Зборовский был главным агентом НКВД, внедренным в окружение Троцкого. О содержании Письма он немедленно информировал Лубянку. Из его донесения: «17 августа Раскольников отправил Суварину, Бармину и «Последним новостям» статью под заголовком «Открытое письмо Сталину». В этой статье он резко выступает лично против тов. Сталина, обвиняя его в ряде «преступлений» против партии и Советской власти. Главным образом статья направлена в защиту всех арестованных и расстрелянных за последние три года. В той же статье

Продолжение на с. 4, 5

1. Постановление ЦИК СССР от 21.11.1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР».

2. 31-го Сталин не принимал Берия. Во всяком случае, фамилия не зафиксирована в регистрационных журналах, см. сайт «Исторические Материалы».

3. Видимо, отсылка к «Братьям Карамазовым» Достоевского.

На снимке: Федор Раскольников (Ильин) в 1924 г.

Фото страницы из собрания сочинений Зиновьева Г.С., Г.-М.; Пг.; Л.: Госиздат, 1923-1929. Т.4: Борьба за большевизм: из эпохи «Звезды» и «Правды»: (1913-1914). — 1926.

КРАСНЫЙ КУРЬСКИЙ

➤ Продолжение. Начало на с. 3

Раскольников высказывает свою уверенность в невинности Троцкого, Зиновьева, Каменева и других, подчеркивая, для большего впечатления, свои политические разногласия с Троцким. <...> «Последние новости» отказались печатать заявление Раскольникова, считая, что политическое положение для этого неблагоприятно. Видно, что, пересказывая документ, где великий вождь назывался преступником, Зборовский испытывает страх...

24 августа Раскольниковы переехали во французский Грасс (Прованс). Там они собирались пробыть три дня перед возвращением в Париж. Но утром 25-го жена Раскольникова Муза, купила свежие газеты. Там был опубликован подписанный накануне в Москве договор о ненападении между СССР и Германией. Худшие предположения Раскольникова оправдались. Сталин перестал «качаться, как маятник, между двумя осями» и открыто протянул руку Гитлеру. Этого удара Раскольников уже не вынес.

Вот как описывает то, что было дальше, его биограф Владимир Савченко: «У него стала подниматься температура, он лег. Жена пошла навстречу доктору. Условились, что она встретит его перед отелем и проводит в номер. Раскольников остался ждать в номере. Устал ходить, лег на кровать, закинул руки за голову и неловко закинул: ударился левой ладонью об острый выступ металлической сетки, до крови рассек кожу на пальцах. Слизывал кровь с пальцев, а она шла и шла. Кровь все прибывала, и тогда он взобрался на подоконник и стал протискиваться в узкую створку окна с криком: «Кровь! Остановите ее! Море крови! Это невыносимо!»

Позднее жена Раскольникова отрицала тот факт, что он пытался покончить самоубийством. В письме Илье Эренбургу она так рассказала о последних днях жизни мужа: «25 августа 1939 года Федор Федорович заболел. Болезнь началась сильным нервным припадком, когда врач осмотрел его, он нашел большой жар и констатировал воспаление легких с распространением инфекции в мозг. <...> Похоронив Федора Федоровича в Ницце⁴, я вернулась в Париж и там узнала, что во время болезни и смерти в газетах высказывались самые разнообразные предположения и утверждения о причинах смерти. Говорилось и о самоубийстве, и об убийстве прямом и косвенном. Сама я этих газет не читала. Разумеется, мне тогда было не до газет. Помнится, однако, что я посылала куда-то опровержения <...> Никакого расследования после смерти Федора Федоровича не было».

Из газеты «Последние новости» (27 августа 1939)

«Раскольников сошел с ума. <...> Из номера слышались отчаянные крики:

— На помощь!
Служащие отеля поспешили на крик. Им представилась такая картина: жена Раскольникова делала отчаянные усилия, чтобы удержать мужа, который занес одну ногу за окно и старался выбраться вниз. Бывший полпред внезапно потерял рассудок. Его увезли тотчас в клинику в Ниццу <...>»

Биограф нашел забытое опровержение, которое Муза Раскольникова все же отправила в эту газету еще до смерти мужа.

Из газеты «Последние новости» (1 сентября 1939)

«Письмо в редакцию

<...>

Появившееся в номере 6726 «Последних новостей» сообщение о том, что мой муж <...> якобы сошел с ума, к счастью, не соответствует действительности. Мой муж серьезно болен воспалением легких и бред, вызванный высокой температурой, никак не может быть назван сумасшествием. Никакого покушения на самоубийство не было.

С совершенным уважением, Муза Раскольникова».

Особо следует обратить внимание на дату публикации этого письма — 1 сентября 1939 года. В этот день началась Вторая мировая война, самая кровопролитная в истории человечества. Смерть Раскольникова затерялась среди военных новостей, и сообщение о ней появилось в газете только через 12 дней (24 сентября). В неподписанной заметке «Умер Раскольников» констатировалось: «Договор между Сталиным и Гитлером окончательно подкосил этого одного из последних оставшихся в живых представителей старой ленинской гвардии». В заметке упоминалось о полученном в редакции «Открытом письме Сталину», а причина его не публикации объяснялась так: «...мы не успели напечатать, так как из Ниццы пришло известие о болезни Раскольникова и об его покушении на самоубийство».

На самом деле решение главного редактора газеты Павла Николаевича Милокова⁵ не публиковать памфлет Раскольникова состоялось раньше — еще до известий о его болезни (см. выше — донесение Зборовского). Этот отказ имел более серьезные причины. Газета «Последние новости», оставаясь защитницей идей либеральной демократии, в 1930-е годы эволюционировала в сторону СССР. Милоков, будучи непреклонным противником Гитлера, считал, что в неизбежной войне между СССР и гитлеровской Германией эмиграция должна стать на сторону родины. А Письмо оценил как слишком сильный удар по Советскому Союзу накануне неизбежной войны. К тому же именно Раскольников был одним из главных действующих лиц 5-6 января 1918 года — в дни разгона большевиками Учредительного собрания. Это событие, с точки зрения Милокова и других демократов, стало решающим моментом крушения российской демократии.

Письмо было отослано агентству «Гавас» (предшественник Франс Пресс), но сведения о переводных публикациях или цитировании текста пока не обнаружены. И все-таки Письмо появилось в печати — 1 октября 1939 года на страницах парижского журнала «Новая Россия». Его выпускал бывший глава Временного правительства Александр Федорович Керенский. Отношение Керенского к СССР даже в годы Второй мировой войны отличалось большей, чем у Милокова, непримиримостью.

Публикацию памфлета Раскольникова Керенский снабдил следующим примечанием: «Печатаемое здесь «Открытое письмо» <...> было передано нам для опубликования еще при его жизни»⁶. Комментатор подчеркнул и несколько неточно, как мы видим, изложил самую актуальную в свете начавшейся войны тему Письма: «Раскольников был одним из тех, которые предвидели союз Сталина с Гитлером — он предупреждал, что соглашение с Францией и Англией Сталиным подписано не будет».

Мировая война, начавшаяся через две недели после написания «Открытого письма», заглушила его публицистический антисталинский

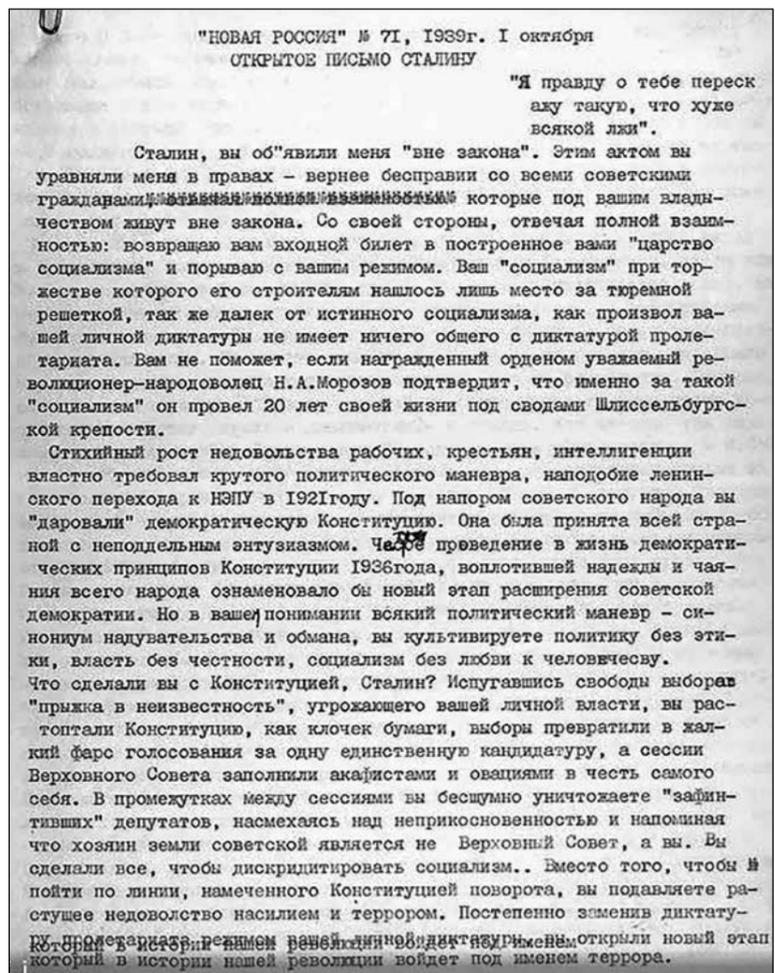
пафос и препятствовала широкому распространению.

РЕАБИЛИТАЦИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Письмо Раскольникова стало фактом общественной жизни в СССР только в начале 1960-х. В начальной стадии десталинизации и реабилитации (1956-1961 годы) имя Раскольникова среди кандидатов на восстановление честного имени не фигурировало. Невозвращенцы, да еще объявленные вне закона, колебали одну из основ системы — изоляционизм. Раскольников, по видимому, стал первым из знаменитых невозвращенцев, с которого сняли обвинения. Это могло произойти только после судьбоносно-

Сталина». В записке делался вывод: «Учитывая изложенное, а также большие заслуги Раскольникова перед Коммунистической партией и советским народом, полагаем возможным рассмотреть вопрос о реабилитации Раскольникова в судебном и политическом отношении».

Климов о Письме высказался гораздо осторожнее: «по какой причине упомянутое письмо Раскольникова не было опубликовано при его жизни и соответствует ли опубликованный текст подлинному «Открытому письму», переданному Раскольниковым для печати, установить не представлялось возможным», и повторил это в резюме. 30 мая 1963 года

го XXII съезда. Осенью 1961 года тело Сталина было тайно вынесено из Мавзолея, все бесчисленные памятники вождю демонтированы, а имя стерто с географической карты СССР. Только тогда вдова Раскольникова решилась обратиться к советским властям с просьбой о политической реабилитации мужа. Два ее письма были в 1962 году адресованы Н.С.Хрущеву и в Союз писателей СССР (Раскольников был членом СП с 1934-го). Союз писателей переслал это письмо в ЦК. 24 июля 1962 года делу был дан ход. Из Отдела административных органов ЦК письма вдовы были направлены в две другие партийные инстанции — Комитет партийного контроля и Отдел кадров дипломатических и внешнеторговых органов.

В Комитете партийного контроля началось тщательное изучение материалов. Ответственный партконтролер ЦК Г.С.Климов провел настоящее расследование, которое длилось почти десять месяцев — до мая 1963-го. Записку в ЦК КПСС с результатами изучения и проектом постановления Президиума ЦК подписали З.Т.Сердюк и А.С.Панюшкин. В ней сказано так: «В письме Сталин обвинялся в самовозвеличении, фальсификации обвинений против невинных и истреблении ленинских кадров партии», дискредитации социализма и советской демократии, измене делу Ленина и предательстве по отношению к международному революционному движению <...> он [Раскольников] враждебной деятельностью против СССР не занимался. Опубликованное после его смерти в иностранной прессе «Открытое письмо» в своей основе направлено против произвола

«Я правду о тебе перескажу такую, что хуже всякой лжи».

Сталин, вы об «явили» меня «вне закона». Этим актом вы уравнили меня в правах — вернее бесправии со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона. Со своей стороны, отвечая полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом. Ваш «социализм» при торжестве которого его строителям нашлось лишь место за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата. Вам не поможет, если награжденный орденом уважаемый революционер-народоволец Н.А.Морозов подтвердит, что именно за такой «социализм» он провел 20 лет своей жизни под сводами Шлиссельбургской крепости.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического маневра, наподобие ленинского перехода к НЭПу в 1921 году. Под напором советского народа вы «даровали» демократическую Конституцию. Она была принята всей страной с неподдельным энтузиазмом. Через проведение в жизнь демократических принципов Конституции 1936 года, воплотившей надежды и чаяния всего народа ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии. Но в вашей понимании всякий политический маневр — синониму надутельства и обмана, вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку. Что сделали вы с Конституцией, Сталин? Испугавшись свободы выборов «прыжка в неизвестность», угрожающего вашей личной власти, вы растоптали Конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета заполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесчестно уничтожаете «заблудившихся» депутатов, насмеявшись над неприкосновенностью и напоминая что хозяин земли советской является не Верховный Совет, а вы. Вы сделали все, чтобы дискредитировать социализм. Вместо того, чтобы пойти по линии, намеченной Конституцией поворота, вы подаляете растущее недовольство насильем и террором. Постепенно заменяя диктатуру «открытым письмом» Сталину, вы открыли новый этап истории нашей революции, который войдет под именем террора.

Президиум ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) принимает решение о реабилитации Раскольникова. Исполняя решение высшего партийного органа, Пленум Верховного суда СССР 10 июля 1963 года отменил постановление о Раскольникове «за отсутствием в его действиях состава преступления». В том же году старого большевика посмертно восстановили в партии. В декабре 1963-го журнал «Вопросы истории КПСС» публикует статью «Герой Октября и Гражданской войны». Автор статьи В.С.Зайцев утверждал, что Раскольников «до конца своей жизни оставался гражданином Советского Союза» (Письмо в статье упоминалось как заслуга Раскольникова перед партией, но сам текст опубликован не был). Тогда же обсуждался вопрос о переносе праха Раскольникова из Ниццы в Кронштадт (приехавшая в СССР вдова участвовала в этом обсуждении).

Не попав в открытую печать, текст Письма в том самом 1963-м внезапно начал широко циркулировать в Москве. Один из авторов этой публикации, в те времена студент Московского университета, утверждает, что именно тогда «Письмо Раскольникова» и «Реквием» Ахматовой были в студенческой среде самыми популярными текстами из ходивших в списках. Возможно, готовилась официальная публикация Письма и произошла утечка текста из журнала или издательства. Например, из Военного издательства Министерства обороны СССР, там в 1964-м вышла книга Раскольникова «На боевых постах». Во вступительной заметке к

ней был дан пересказ Письма (М.: Воениздат, 1964. С.13-14).

До падения Хрущева (октябрь 1964 года) в советской печати Письмо так и не появилось, что определило его самиздатский статус на дальнейшую четверть века. Начавшая в 1965-м ресталинизация, свертывание критики Сталина и публикации материалов о политических репрессиях времен сталинщины в очередной раз повлияли на образ Раскольникова в советской печати. Новому руководству, а возможно, лично главному идеологу брежневского застоя Михаилу Сулову был неприятен сам прецедент возвращения доброго имени невозвращенцу. Его рупором стал заведующий отделом науки ЦК КПСС Трапезников. В сентябре 1965 года на идеологическом совещании он заявил: «В идейном отношении Раскольников был всегда активным троцкистом. Сбратившись с белогвардейцами, фашистской мразью, этот отщепенец стал оплевывать все, что было добыто и утверждено потом и кровью советских людей, очернять великое знамя ленинизма и восхвалять троцкизм. Только безответственные люди могли дезертировать Раскольникова, его бегство из Советского Союза расценивать как подвиг». Это выступление опубликовано в печати не было, но через несколько лет в коллективной статье пяти официальных историков «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» (журнал «Коммунист», 1969. №3) Раскольникову был посвящен следующий директивный абзац: «Никак нельзя, как это делают некоторые историки, относить к числу истинных ленинцев тех, кто на деле выступал против ленинизма, участвовал во фракционной борьбе, например таких, как Ф.Ф.Раскольников, который перебежал в стан врагов и клеветал на партию и советское государство». На страницах «Огонька» с воспоминаниями, порочащими Раскольникова, выступил бывший чекист Л.Василевский⁸. О Письме и его публикации сказано так: «Факт чудовищный, недопустимый для коммуниста и советского человека», далее Василевский сообщает, что кое-кто (имелся в виду Эренбург) пытается оправдать поступок Раскольникова». Возразить Василевскому попытался только молодой историк Леонид Петровский, но его ответ остался, как и Письмо, достоянием Самиздата⁹.

Подробную самиздатскую историю Письма еще предстоит написать.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ В РЕГИОНАХ

Свободное слово оказалось притягательным не только для столичных жителей. Кроме Москвы и Ленинграда, околостолычных регионов, циркуляция Письма зафиксирована в Поволжье, на Урале, текст достиг далекого Магадана, появился памфлет Раскольникова и на Украине, в Киеве и Одессе. Нет сомнений в том, что список городов с развитием исследований увеличится.

В первой половине 1960-х Письмо добралось до Киева, об этом написал математик Леонид Плющ. Слова Раскольникова о голоде 1933 года подтолкнули Плюща к тому, чтобы узнать больше об этой трагической странице истории, которая в советские времена замалчивалась. Плющ сообщает о том, что фрагмент Письма был напечатан в «Известиях»¹⁰. «Вторым произведением политического самиздата было «Открытое письмо Сталину» Федора Раскольникова. Там говорилось как о том, что мы уже знали, так и о том, о чем молчала официальная печать (искусственный голод в 33-м году, нежелание помочь испанским республиканцам после поражения революции в Испании и т.д.)»¹¹.

В Магадане Письмо оказалось не позднее 1966-го. Об одном экземпляре известно, что он прибыл из Ленинграда. Будущий автор книги «Евгения Гинзбург и ее «Крутой маршрут» (она выйдет в 2010 году), а тогда молодой учитель Михаил Райзман рассказал о письме Раскольникова на уроке.

«ПЕПЕЛ АНАЛИЗУ НЕ ПОДДАЕТСЯ»

Новое Донское кладбище — удивительный памятник советской эпохи. 22 сентября на Донском кладбище прошла экскурсия под названием «Новое Донское кладбище. Инакомыслие в СССР», посвященная памяти диссидентов и правозащитников, жертв массовых репрессий в Советском Союзе. Здесь же похоронены многие их палачи. Корреспондент «30 октября» вместе с другими экскурсантами посетил могилы революционера-меньшевика Бориса Богданова, неоднократно подвергавшегося арестам и ссылкам как до революции, так и после нее, писателя-диссидента Льва Копелева, Крониды Любарского — автора идеи учреждения Дня политзаключенного, правозащитницы Валерии Новодворской.

Экскурсия началась с небольшим опозданием. По подсчетам корреспондента «30 октября», собралось около 30 слушателей. Начало экскурсии было омрачено известием о том, что мама экскурсовода, исследователя проекта «Это прямо здесь» Общества «Мемориал» Павла Паркина попала в больницу. На вопрос корреспондента «30 октября», не стоит ли перенести мероприятие, Паркин ответил, что в данный момент помочь матери он не в силах, поэтому отменять экскурсию нет смысла. Настроение группы, и так притушенное тихой кладбищенской атмосферой, стало окончательно декадансным. Даже яркое, по-летнему теплое солнце не создавало уюта, а лишь кошмой подлизывало спины.

Группа прошла через главные ворота и резко свернула налево. Тут первая остановка: Блохин Василий Михайлович (1895—1955), а также несколько его родственников, включая супругу и дочь. По современным меркам, могила выглядит небогато — лаконичный мраморный памятник с изображением статусного мужчины и женщины, рядом — искусственные цветы.

Блохин — не диссидент и не правозащитник, не жертва репрессий, а «настоящий палач», начал свою речь экскурсовод. Блохин много лет проработал командантом НКВД и «занимался содержанием охраны объектов, принадлежащих органам госбезопасности». Однако Василий Михайлович «больше известен историкам как участник расстрелов 15 тысяч человек»: с 1924 года он входил в так называемую «расстрельную группу» — неформальное объединение, чьи члены, несмотря на то, что по долгу службы не имели отношения к убийствам, а занимались организационной работой, периодически «приводили приговоры в исполнение». Приблизительно с 1929 по 1953 год Блохин был командиром данного объединения, работал на Лубянке — в «расстрельном гараже», но выезжал и на расстрелы в Лефортово, Бутырку и другие города — например в Тверь, на расстрел польских офицеров, попавших в советский плен после оккупации Польши. «Тогда было расстреляно более 5 тысяч человек. Блохин жил в Калинин, как тогда называлась Тверь. Привезли небольшими партиями заключенных из Осташковского лагеря. Расстреляли в помещениях НКВД, похоронили в Медном», — рассказал экскурсовод.

Рядом с Блохиным покоится «его многолетний товарищ, заместитель» Петр Александрович Яковлев. Именно он заведовал гаражом, где приводились в исполнение приговоры. Блохина отправили после смерти Сталина на почетную пенсию, однако через несколько лет он был лишен генеральского звания, служебной квартиры, автомобиля и всех наград, включая пистолет «вальтер». Блохин был уволен задним числом как человек, дискредитировавший себя во время службы, и его место занял Яковлев. Но и его постигла та же участь — его лишили наград и привилегий. «Некоторые исследователи склонны считать, что Блохин не выдержал позора и покончил с собой, однако, по официальным данным, он умер от кровоизлияния в мозг», — сказал Паркин.

Могила часто посещает внук Василия Михайловича. По словам экскурсовода, исследователи много раз пытались завести с ним бесе-

ду, но мужчина на контакт не идет. «Он пытается через администрацию кладбища запретить экскурсию на могилу деда, запретить тут останавливаться. Но пока ничего не вышло», — сообщил рассказчик.

Группа продвинулась в глубь кладбища и остановилась у могилы правого меньшевика, социалиста Бориса Осиповича Богданова, который за свои убеждения большую часть жизни провел в заключении. Как утверждает в книге дочери Богданова, ее отец был одним из первых гражданских, кто в качестве матроса попал на мятежный броненосец «Потемкин», рассказал экскурсовод. При советской власти Богданов постоянно проливал арест, в конечном итоге выслан на Соловки, где он был старостой, решавшим конфликты между администрацией и заключенными. Современники говорили, что, будучи по возрасту еще молодым человеком, в лагере Богданов выглядел как глубокий старик. В доказательство тому экскурсовод показал две фотографии — первую, дореволюционную, перед арестом, на которой изображен статусный молодой человек в красивом костюме, и вторую — седого лысого старика с глубокими морщинами и впалыми глазами. Так Богданов изменился на Соловках. В конце жизни Богданов по состоянию здоровья — из-за паралича — был освобожден.

Донское кладбище славится тем, что на подавляющем большинстве могил нет оградок. Следующая остановка — монумент прямо посередине тропинки под названием «место неостребованных прахов». Он представляет собой скромный обелиск с надписью «Здесь захоронены останки невинно замученных и расстрелянных жертв политических репрессий 1930—1942 годов», вокруг которого в землю воткнуты десятки, если не сотни, табличек с фамилиями и годами жизни. Среди захороненных здесь есть знаменитости — например, маршал Михаил Тухачевский и его соратник Иона Якир. Предположительно здесь захоронен и один из главных организаторов массовых репрессий 1937—1938 годов Николай Ежов, рассказал Паркин.

Табличка Тухачевского поставлена родственниками маршала, но достоверно неизвестно, что его прах захоронен именно здесь, сказал экскурсовод. Обилие табличек связано с тем, что сюда сваливали пепел из Первого московского крематория. Тела привозили по ночам на машинах, иногда на одной, но чаще на нескольких. Директор крематория Петр Ильич Нестеренко, впоследствии расстрелянный, принимал вместе с чекистами трупы. Когда трупы не успевали сжечь, их спешно закапывали где-то на территории кладбища. Таких площадок было три, в советские времена на одной из них выращивали цветы на нужды кладбища.

Группа развернулась — и перед нами могила комсомольца, председателя центрального комитета ВЛКСМ Александра Васильевича Косарева. На ней два красно-белых венка с эмблемой футбольного клуба «Спартак».

Косарев был репрессирован и расстрелян. Венки принесены сотрудниками спортивного общества «Спартак», в создании которого Косарев принимал участие, прокомментировал экскурсовод. В свою очередь, корреспондент «30

октября» напомнил слушателям, что именно Косарев посоветовал Николаю Старостину назвать клуб «Спартак». Косарев был реабилитирован в 1954 году.

Выйдя на широкую аллею, группа наткнулась на обелиск с несколькими мемориальными камнями, на которых мелкими буквами написаны фамилии и имена. Это памятник бойцам Красной армии — в большинстве своем это защитники Москвы, однако здесь они не лежат: по словам экскурсовода, таким образом решили увековечить подвиг бойцов, чьи тела были кремированы, а прах хаотично закопан по всей территории кладбища. «Его сотрудники говорят, что, где бы ни начали рыть новую могилу, обязательно наткнутся на слой пепла. И сегодня мы не можем утверждать, что все лежащие тут — бойцы Красной армии. Вероятно, среди них есть и жертвы массовых репрессий. Пепел анализу не поддается», — рассказал экскурсовод.

Рядом могила Вадима Синявского — человека, стоявшего у истоков советской радиожурналистики. Он запомнился прежде всего тем, что провел первую спортивную радиотрансляцию в прямом эфире, однако, напомнил экскурсовод, Синявский был военным корреспондентом — участвовал в обороне Севастополя, потерял глаз. Также он вел репортаж с процесса подписания капитуляции генерал-фельдмаршала Паулюса.

Далее группа миновала памятник бойцам и командирам специального назначения УМКМ, погибшим на боевом посту 12 августа 1941 года, могилу Натана и Якова Явлинских — родственников главы партии «Яблоко» Григория Явлинского, народной артистки СССР, кинорежиссера Татьяны Лиозновой, легендарного спартаковского защитника Геннадия Логофета. Наконец слушатели пришли к большой клумбе с цветами, в середине которой стоит памятник в виде каменной молящейся женщины. Это монумент памяти жертв политических репрессий 1945—1953 годов. Сюда родственники не приносят таблички, но розарий окружен несколькими десятками плит, открытых делегациями зарубежных посольств в память о людях, погибших после того, как Красная армия заняла ряд европейских государств. Здесь можно найти австрийскую, венгерскую, японскую, немецкую плиты. Тут же монумент в память о расстрелянных членах

Еврейского антифашистского комитета. Неподдалеку лаконичный куб с краткой надписью: «Павшим жертвам политических репрессий. 1945—1952. Вечная память». Вспомнить репрессированных сограждан приезжают члены посольств — чаще всего, оговорился экскурсовод, стран Прибалтики, несмотря на то, что своего памятника они не имеют. Помимо прочего, Тут же памятник жертвам «Ленинградского дела» — расколотый надвое монумент из коричневого мрамора с надписью «Ленинградцы... Честь, долг и отчизна были для вас превыше всего. Время сохранит ваши имена».

По некоторым сведениям, здесь же в братской могиле захоронен Лаврентий Павлович Берия. Впрочем, достоверных данных нет. В общей сложности здесь покоится более 10 тысяч человек.

Слушатели прошли несколько метров и встали у длинного колумбария. Здесь покоится Кронид Аркадьевич Любарский — советский диссидент и автор идеи учреждения в 1974 году Дня политзаключенного в СССР, рассказал Паркин. Спустя почти 20 лет Любарский был арестован за распространение самиздата, когда в его квартире нашли более 600 документов, рукописей и книг, идущих вразрез с советской идеологией. За хранение запрещенной литературы, точнее — за «антисоветскую агитацию», Любарский получил пять лет строгого режима и отбыл в лагерь в Мордовию, однако за «систематическое нарушение режима» был переведен во Владимирскую тюрьму.

Одно из последних памятных мест, которое посетила группа, — могила режиссера Юрия Петровича Любимова. Тут же захоронены его родители.

«Юрий Петрович происходил из купеческой семьи. В молодом возрасте он перебрался в Москву, познакомился с театральной жизнью столицы, участвовал в финской войне. Во время Великой Отечественной войны Любимов служил в Ансамбле песни и пляски НКВД», — рассказал экскурсовод.

Могила Любимова показывается на «диссидентской экскурсии» потому, что и он не избежал репрессий со стороны советской власти, продолжил рассказчик. Режиссер был заочно лишен гражданства СССР в момент, когда находился в гастроли за границей. Вернуться ему не дали. Это разозлило Любимова, и режиссер стал давать грозные интервью с критикой культурного вектора развития страны, цензуры, запрещавшей массу фильмов и спектаклей, рассказывая, что ничем не заслужил своей судьбы. Гражданство Любимову было возвращено в 1989 году. Закончилась экскурсия у могилы Александра Солженицына.

Расписание и места экскурсий проекта «Топография террора» можно найти на сайте «Мемориала».

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Обилие табличек объясняется тем, что в этом месте сваливали пепел из Первого московского крематория.

Памятник расстрелянным по делу ЕАК. Фото автора.

4. Раскольников умер 12 сентября 1939 г. в Ницце.
5. Миллюков (Меликов) Павел Николаевич, 1859–1943 гг., историк прозаического направления, лидер кадетской партии, член IV Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства.
6. После революции участвовал в антибольшевистском движении. С ноября 1918 г. жил на Западе. В 1921–1940 гг. редактор парижской газеты «Последние новости». Один из влиятельных деятелей русской эмиграции, входил в Парижскую демократическую группу Партии народной свободы.
7. Из этой фразы вытекает, что автор не направил Письмо в редакцию «Новой России»; видимо, оно оказалось там другим путем. Вероятно, это сделал кто-то из редакции «Последних новостей».
8. Не реабилитированные и, стало быть, еще «виновные» Бухарин, Троцкий, Зиновьев и Каменев и др., видимо, входили в эту когорту.
9. В оккупированном Париже // Огонек. 1966. №7, 8.
10. «Хроника текущих событий» — машинописный бюллетень московских правозащитников — помещала аннотацию работы Петровского в разделе «Новости Самиздата» (1969. №9).
11. Видимо, неточность или ошибка памяти мемуариста. В просмотренных статьях «Известий» Письмо упоминается, но не цитируется (Тихомиров В. Красный адмирал // Известия. 1964. 1 апреля.; Гришанов В. В защиту доброго имени // Известия. 1964. 9.09). Развернутая версия статьи адмирала Гришанова вышла в «Военно-историческом журнале» (1964. №9), но и там нет цитат из Письма.
12. Плющ Л. На карнавале истории. Воспоминания. London: OPI, 1979. С. 59.
13. Авторы признательны Дмитрию Ермольцеву за участие в подготовке этой публикации.

На снимке: Самиздатовская копия редакционной газеты «Новая Россия», № 71, 1 октября 1939 г. [Машинопись]. Из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

➤ Окончание. Начало на с. 1

это их идея и для населения они могут стать виновниками провала», — рассказал Ривкин.

Его это приводит к мысли, что последующие репрессии были организованы властями, чтобы, во-первых, отвести от себя угрозу, во-вторых — устранить людей, которые были очевидцами и понимали, что и почему было провалено. И в-третьих, для запугивания народа, чтобы люди не выступили.

«Для этого и был затеян террор, всплеск которого был в 1936–1938 годах», — считает Ривкин.

Его поразил доклад молодого историка Александра Фокина из Челябинска — кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета — «Тетради Верхнеуральского политического изолятора» как реакция левой оппозиции на «Великий перелом». «Суть в том, что в одной тюрьме в наши дни ФСИН делал ремонт, и под полом были обнаружены дневники и записи сидельцев времен Сталина. Поразительно, что ФСИН не выкинул их, не уничтожил, а передал для исследования историкам. Александр Фокин рассказал о содержании найденных листов. В этой тюрьме сидели представители оппозиции — левые эсеры и большевики. Они создали группу в заточении и размышляли о том, что и как нужно было делать», — поведал Ривкин.

Его также зацепил своей эмоциональностью доклад Бориса Беленкина — заведующего библиотекой общества «Международный Мемориал» — «Между подпольем, тюрьмой и ссылкой. Левая оппозиция в 1929 году». «В нем Борис Исаевич рассказывал об одном конкретном деле. Поразило то, что описывается вроде бы простая, единичная ситуация. Но раскрыта она

Беленкиным так глубоко, что если приложить ее к почти миллиону расстрелянных в годы террора, то можно почувствовать масштаб», — подчеркнул Ривкин.

Еще одна докладчица, Людмила Мазур из Екатеринбурга, на секции, посвященной итогам коллективизации для деревни, выступила с докладом «Крестьянская семья и коллективизация: особенности демографического перехода». Она рассказала об изменениях в жизни крестьянства: кем был крестьянин до коллективизации и после.

«Фактически коллективизация привела к раскрестьяниванию. Изменился и состав семей. Если ранее нормой было 8–12 детей, то после коллективизации — в лучшем случае 2–3 ребенка. Показаны были и изменения в аспекте производительности труда: какова была выработка на крестьянина в своем хозяйстве и какова на одного колхозника в колхозе», — отметил Ривкин.

Сам Феликс Ривкин входит в общественный межрегиональный совет, способствующий раскрытию тайн «12-го километра»¹. В этой теме, по его словам, несколько слов. «Первый — это собственно мемориальный комплекс, который, грубо выражаясь, был брошен властями в начале 1990-х как косточка населению, типа «вот вам место для поклонения». Но выяснилось, что не выполнены требования законодательства о поиске останков всех тех, кто был запрятан чекистами в том месте, установление границ захоронений и мемориализация всей территории», — пояснил он.

Второй слой — проблема со спортивно-биатлонным комплексом «Динамо», построенным в 1960-х годах на части территории, где существовало самое массовое захоронение «12-й километр». «Возможно, даже было намерение самим объектом скрыть преступления. Более

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

того, строительство спортивных объектов там продолжается. Причем при строительстве никакого обследования не проводилось. Остается только гадать, что делали при выемке грунта, если обнаруживались кости, черепа или какие-то вещи», — полагает Ривкин.

Руководитель Екатеринбургского «Мемориала» Анна Пастухова особо отметила удивительное выступление на конференции Ирины Островской с презентацией ее книги «На сердце пали все печали». «Потом мы в Ельцин-Центре передали ей огромный музейный экспонат — решетку с Кольмы для музея «Международного Мемориала», — рассказала Анна.

Анна Пастухова также рассказала о том, как члены Правления «Международного Мемориала», приехавшие на конференцию и на заседание правления «Мемориала», и несколько докладчиков ездили на 12-й километр Московского тракта: «Это расстрельное место Большого террора — и там снова стреляют! Построены огромные тир «патриотического клуба Михаила Архангела», и это какая-то зловещая «реконструкция». Стреляют вполне боевыми патронами! Мы там были, и все члены Правления «Мемориала» это тоже слышали».

Стоит отметить, что в конце сентября 2019 года члены Правления «Международного Мемориала» во время выездного заседания Правления посмотрели состояние самих элементов мемориальной композиции и отметили, что при всех значительных успехах в увековечении памяти жертв террора в Екатеринбурге есть очевидные проблемы с сохранностью объектов «физической памяти», в частности, на территории мемориального комплекса «12-й километр». Он признан местом памяти национального значения, сюда довольно часто приезжают экскурсии, в том числе иностранцы. Как можно, имея ежегодное бюджетное финансирование, довести столь важный мемориал до такого вида и что можно сказать о хозяине, который содержит в таком состоянии вверенное ему место захоронений или кладбище!

Член правления ПЦ «Мемориал» Александр Черкасов отметил, что мемориал жертвам политических репрессий расположен на новой автострате, проложенной в конце прошлого века. «И, собственно, при строительстве этой дороги и были

найжены захоронения. При этом никаких точных данных о местонахождении всех захоронений в местных архивах нет. Более того, как мы знаем из всей советской практики, такие данные не сообщались в центр, и нет централизованного фонда, где можно было бы посмотреть», — рассказал он. Поэтому, по мнению Черкасова, единственный способ узнать — это геофизические и археологические работы на местах, но это стоит денег.

«Спортивно-биатлонный комплекс — это не только строения, но и хорошо асфальтированные, петляющие дороги. Причем в климатических условиях Среднего Урала под эти трассы землю придется копать достаточно глубоко, чтобы за счет промерзания, выпячивания грунта эти дороги не «повело». Поэтому исследовать нужно не только там, где возводят строения, но и где пройдут трассы. При строительстве такого объекта может быть заложена «мина сомнения»: а не на костях ли строят? И этот вопрос неудобен для самих организаторов строительства. Так что, по словам Черкасова, лучше бы этот вопрос решить заранее, чтобы убрать «дамоклов меч» таких подозрений. При этом он сомневается в позиции, которую выразили некоторые правозащитники, что нельзя вообще ничего строить на 12-м километре.

«В настоящее время 12-й километр — это такое место, где никто не останавливается. (Стоит отметить, что указатель на трассе и небольшая парковка около мемориала есть. — Примеч. «30 октября») Откуда вообще взялись людям на обочине автостраты. По дороге все проезжают мимо того монумента в память жертв политических репрессий, что воздвигнут. Приток же массы людей на новый спортивный объект вызовет приток посетителей мемориального комплекса. Строительство спорткомплекса и памятник не противостоят друг другу. С одной стороны, он может способствовать притоку посетителей к мемориалу, а с другой, скомпрометирован тем, не на костях ли он заложен?» — резюмировал Черкасов.

Кроме того, как указал Черкасов, исследования нужно делать в определенное время года: когда уже опала листва, но не лег снег и земля не промерзла, то есть в очень краткий период времени. На встрече с членами Правления «Международного

Мемориала» уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова отметила, что границы биатлонного полигона определены и есть местный археолог, который будет заниматься раскопками на месте пролегания трассы. «И пока не будет получен ответ, есть ли захоронения там, трассу не продолжат», — поведала она. Исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова заявила, что слышала об этих заверениях, но сомнения остались: «Да, есть большой плюс, что существует общая позиция, поддержанная губернатором, что нельзя строить на костях. Но для этого надо, чтобы исследования подтвердили, что костей там нет».

По мнению специалистов, необходимо обследование территории, которое потребует 4 миллионов рублей и 3 месяца работы. «Но на это выделено только 400 тысяч рублей. А это и геофизические исследования, и археологические раскопки», — сказала Жемкова и предложила устроить всенародный сбор денег на такие работы. «Давайте соберем 4 миллиона, ну не 4, так 1 миллион соберем, а вы — остальные», — призвала она.

Мерзлякова в ответ сообщила, что министерством спорта области уже выделены суммы для того, чтобы начать строить здания спортивного комплекса, а поиском средств на мемориал занимается вице-губернатор Сергей Бидонько, который преуспел, по мнению омбудсмена, в таком деле. «И сейчас, когда он станет главой комиссии по увековечению памяти жертв политических репрессий, будем двигаться дальше», — сказала Мерзлякова.

Рустам ДЖАЛИЛОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

1. На 12 километре Московского тракта, находится массовое захоронение более 20 тысяч человек.

На снимках: «Маска скорби. Европа — Азия» Эрнста Неизвестного на 12-м км Московского тракта был открыт в 2017 г. Изначально Масок должно было быть три — в Воркуте, Екатеринбурге и Магадане. В Магадане Маска скорби высотой 15 м установлена в 1996 г. В Воркуте памятник так и не установили. Инициаторами проекта был «Мемориал». Фото Григория Шведова.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДОВОДЫ ВОРОШИЛОВА

26 ноября 1920 года у станции Алексиково Грязе-Царицынской железной дороги, на 22-м околотке Борисоглебской дистанции, железнодорожные рабочие на полтора часа прекратили работы.

Пролетарии сидели на уложенных в штабеля шпалах и роптали. Тридцативосьмилетний столяр Андрей Ворошилов¹ будировал трудовой коллектив: работать заставляют ударно, а продовольствием не снабжают, топливом не снабжают, обувь не снабжают, инструмент в ремонтных работах приходится свой использовать. 5 декабря история повторилась. Работы на 22-м околотке опять встали на полтора часа.

«Не будем работать, пока продовольствие не дадут!» — ораторствовал столяр Ворошилов.

К толпе рабочих подошел мастер околотка Химичев. Он попытался пристыдить подчиненных и усмирить их: мол, временные трудности, советская власть только-только завоевана. На это Ворошилов громко заявил, что, если бы советская власть была народная, она накормила бы рабочих, обула их и снабдила орудиями труда. Послышались робкие слова поддержки. Химичев обиделся и направился в свой участок писать докладную записку уполномоченно-

му по политическим партиям ортчк (расшифровать аббревиатуру не удалось) участка Борисоглебской дистанции Алексею Линягову.

«Ворошилов смущает всех рабочих на 22-м околотке, чтобы выдали продовольствие и норму дров, а по его агитации против советской власти рабочие не работали в ноябре двое суток по полтора часа. Собираю собрание в рабочее время. Прошу перевести такового на другой околоток, если не будет сделано распоряжение, то я вынужден буду закрыть мастерскую и прекратить все работы из-за его агитации против советской власти», — в сердцах жаловался мастер Химичев.

В Борисоглебскую профсоюзную организацию железнодорожных рабочих также поступил донос с мест: «Такой элемент, как Ворошилов, потерявшийся в овечьей шкуре, вредит Советскому строительству, а потому прошу Ворошилова убрать с привлечением к ответственности за личный прогул и подрыв планомерной работы среди ремонтных

рабочих. Меры прошу принять сейчас же».

Уполномоченный ознакомился с доносом и перенаправил его в Царицын, так как 22-й околоток находился на территории Царицынской губернии. Лишь в марте следующего года карательные органы добрались до дела столяра Ворошилова. К тому времени на него, кроме контрреволюционной деятельности, повесили еще и трудозертирство: Ворошилов три месяца не появлялся на своем рабочем месте. 24 марта следователь отыскал его и допросил. В папку дела №512 подшили анкету антисоветчика. Андрей Сергеевич Ворошилов — уроженец деревни Ферязкино Тверской губернии. С женой и четырьмя детьми проживает в хуторе Новониколаевском у станции Алексиково. Гол как сокол. Недвижимости нет. Снимает квартиру. На допросе следователь поинтересовался у Андрея Сергеевича, какой паек получают рабочие на околотке. Ворошилов ответил: в месяц 25 фунтов хлеба на пять человек, то есть по 2,27 килограмма на брата. Но и эту норму постоянно задерживают. «Продовольствие выдавалось крайне скверно», — посетовал столяр.

Далее по протоколу:
— Почему же вы бросили работу?
— Я пропустил две недели рабочих, когда ездил в Царицын. Провал там материал. Работу бросил потом, потому что не было у П.Д.(?) инстру-

мента, свой же я продал за продовольствие.

— Сколько раз уезжали в Царицын? Зачем?
— Четыре раза. За солью.
— Кто вам давал отпуск?
— Отпуска мне никто не разрешал.

В тот же день Ворошилову вручили подписку о невыезде из хутора Новониколаевского.

Допросили и коллег Ворошилова. Так, околотовый печник, член РКП(б) Степан Сидорович Попов заявил, что агитацию против советской власти Ворошилов «не произносил».

«Выражал он недовольство только по поводу продовольствия, из-за чего работа несколько раз бросалась. Теперь же Ворошилов не работает три месяца», — отметил Степан Попов.

Дорожный мастер Иван Химичев добавил к своим показаниям еще и то, что рабочие, подаваясь этой агитации, «не работали с должной энергией», что Ворошилов действительно не появлялся на работе уже третий месяц, что за это время он шесть раз ездил в Царицын, где занимался спекуляцией солью.

Дело Ворошилова полгода гуляло между Царицыном и Борисоглебском. Карательные органы никак не могли определиться, где будет проходить суд. Так, 5 сентября обвиняемый Ворошилов не явился

в Борисоглебский суд, так как в то время он работал на Царицынской дистанции, а его бывший мастер Химичев, проходивший по делу свидетелем, был откомандирован на работы в Себряково. Наконец, спустя год, 13 декабря 1922 года дело было прекращено. Ворошилов от наказания был освобожден.

Дело было прекращено по двум обычным для того времени причинам: недостаточность улик и амнистия в честь очередной годовщины Октябрьской революции. При этом амнистию к знаменательному празднику давали, порой не приурочивая к дате, задним числом. Подобная «гуманность» объяснялась просто: в начале 1920-х годов содержать узников в концлагерях и тюрьмах было накладно — элементарно их нечем было кормить. Поэтому даже по столь серьезным обвинениям, как контрреволюция, часто выносились решения народных судов о прекращении уголовных дел, если улики были сомнительны или недоказуемы, а обвиняемые принадлежали к беднейшему пролетариату. Дело Ворошилова соответствовало всем этим критериям.

Вячеслав ЯЩЕНКО,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

1. По материалам уголовных дел №28, 512, 726. См.: Государственный архив Волгоградской области Ф.Р-114. Оп. 1. Д. 44. Л. 3, 10-15, 17, 19, 20, 23, 26, 29, 35, 50.

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ «МЕМОРИАЛА» БОЛЬШЕ НЕ ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ПОЛИТРЕПРЕССИЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ческой памяти, который по своему содержанию призван быть немного шире, чем мемориальный музей. Я там остался как старший научный сотрудник.

По его словам, в Центр наряду с музеем «Следственная тюрьма НКВД» включен Нарымский музей политической ссылки на севере Томской области (более 600 километров от Томска), который создавался в 1948 году как Музей Сталина, а также проект «Сибиряки: вольные и невольные».

«В работу нового Центра, о тематике деятельности которого пока мало что известно, будет, вероятно, включен раздел, связан-

ный еще и с мемориализацией истории Великой Отечественной войны», — отметил Ханевич.

Руководителем Центра в статусе заместителя директора Томского краеведческого музея назначен Валерий Уйманов, доктор исторических наук, бывший сотрудник КГБ СССР, до недавнего времени работавший в областном МЧС. Тем не менее, как указал Ханевич, Уйманов занимался уже 30 лет назад историей политических репрессий, но не будучи музейным работником или преподавателем.

«И даже был в первоначальном составе «Мемориала». Уйманов — создатель одной из первых Книг памяти. В библиотеке Мемориального музея в Томске и в Московском

«Мемориале» есть его книги. В частности, «Ликвидация и реабилитация». Однако сейчас он болеет, и что будет происходить, когда он придет, трудно сказать. Так же как и каков будет вектор развития музеев», — заметил Василий Ханевич.

А вопросов к новому руководителю много.

«Пока мы не знаем, что он думает о будущем нового музейного комплекса и о том, какое место будет в нем занимать музей «Следственная тюрьма НКВД». Насколько удастся объединить разные музейные проекты в едином комплексе, жизнь покажет. Интересно было бы узнать, что он видит главным в своей деятельности? Будет ли он ставить вопрос об открытии архивов, чтобы сделать их доступными для историков, исследователей. Будут ли расширяться Книги памяти. Сейчас в них вносятся имена репрессированных только по 58-й статье», — перечислил неясные вопросы Василий Ханевич.

Он также отметил, что решение о реформатировании музейной

мемориальной деятельности принял Томский краеведческий музей.

«Это случилось около двух месяцев назад, после того как был заключен договор о сотрудничестве Томского краеведческого музея с Музеем истории ГУЛАГа в Москве. В целом, идея реформатирования идет в правильном направлении. Мемориализацию нужно расширять и не ограничиваться рамками небольшого музея. Но сложно предположить, как это будет реализовано на практике. Например, какие средства будут на это направлены», — подчеркнул Ханевич.

Но даже в свете произошедших перемен мероприятия ко Дню жертв политических репрессий будут проводиться по-прежнему.

«30 октября будут акции «Возвращение имен», «Свеча памяти» и «Кораблики памяти». В течение четырех часов будут зачитываться имена репрессированных возле музея, в сквере Памяти жертв политических репрессий. Мероприятия пройдут также и по

районам Томской области, где есть мемориальные комплексы жертвам политических репрессий, и в них примут участие, наряду с активистами и музейщиками, учителя и школьники», — рассказал Ханевич.

С новым руководителем музейного комплекса Валерием Уймановым побеседовать обстоятельно не удалось: он на больничной койке. Но один комментарий — об отношении к Обществу «Мемориал» он все же дал.

«Когда-то много лет я был членом Общества «Мемориал». Встречал разные мнения о работе общества. Не со всем был согласен. И у меня, конечно, есть собственная позиция по путям развития Центра исторической памяти. Но сейчас что-либо конкретно сказать не могу, давайте поговорим об этом попозже», — сказал он.

Рустам ДЖАЛИЛОВ, корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu специально для «30 октября»

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

30 августа на доме №40 по Бергштрассе, центральной улице в небольшом тюрингском городе Треффурт, была установлена первая в Германии табличка проекта «Последний адрес» с именем Хайнца Альбина Баумбаха (1926–1952).

ПЕРВАЯ ТАБЛИЧКА «ПОСЛЕДНЕГО АДРЕСА» В ГЕРМАНИИ

Как сообщается на сайте «Последнего адреса», во время войны Баумбах попал в плен к американцам, откуда вернулся в 1946 году. В 1951 году он устроился шахтером на предприятие Акционерного общества «Висмут» в городе Обершлеме. В мае 1952 года, когда Хайнц Баумбах отправился в отпуск домой к родителям в Треффурт, к нему домой зашел приятель, работавший в местном отделении полиции, и попросил его зайти в полицейский участок проверить какие-то документы.

При этом, несмотря на то, что его родные уговаривали его бежать (в тот момент граница ГДР и ФРГ, проходившая примерно в пяти километрах от города, охранялась не очень строго), он предпочел пойти в полицию. Там он был арестован спецгруппой советского МГБ. Он был арестован по делу так называемой Мойзельвицкой группы.

В эту группу входили юноши — ученики мойзельвицкой школы имени Фридриха Энгельса с 1947 по 1950 год. С подачи молодого учителя латыни Вольфганга Остермана школьники критически рассуждали о политических процессах. Как отметил в интервью «30 октября» журналист Марио Банди, ставший инициатором установки таблички, они, помимо обсуждений, распространяли листовки на немецком и русском языках, причем последние, видимо, копировались с материалов антисоветского «Народно-трудового союза» (НТС). «Им даже удалось ненадолго прервать трансляцию речи коммунистического лидера Вильгельма Пика к 70-летию Сталина и выйти в эфир. Местная

госбезопасность так их и не поймала, и в 1950-м, окончив школу, молодые люди разъехались по разным городам. И только в 1952 году одного из них поймали в Берлине — опять же за распространением листовок НТС на русском языке», — рассказал Марио Банди.

Он подчеркнул, что не очень понятно, как в это дело включили Баумбаха, поскольку Треффурт находится довольно далеко от Мойзельвица, почти в 200 километрах, и большинство подсудимых не были с ним знакомы. Разгадкой может быть тот факт, что в 1945 году в Треффурте оказалась семья одного из будущих участников группы, Гельмута Пайхерта, который мог познакомиться с Баумбахом, а затем назвать его фамилию во время допросов.

Суд по этому делу проходил 14–16 июля 1952 года в изоляторе МГБ на Лейстиковштрассе в Потсдаме. Из семи подсудимых (Баумбах был самым старшим) смертный приговор вынесли четверым. Хайнц Баумбах был приговорен к смертной казни по совокупности статей 58–6 (шпионаж), 58–2 (соучастие в организации вооруженного восстания), 58–8 (терроризм), 58–10 (антисоветская пропаганда). Помимо него, к смертной казни были приговорены Хайнц Эйфельд, Гельмут Пайхерт и Фридрих Вирт. Еще трое — Гюнтер Аурих, Гельмут Тиш и Ульрих Килгер — получили по 25 лет заключения в лагерях.

Смертников перевезли в Москву, где 22 октября 1952 года Фридриху Вирту заменили смертный приговор 20 годами заключения, причем он был уверен, что то же самое произошло и с остальными приго-

воренными. Он и еще двое были отправлены в Воркуту, а Ульрих Килгер — в Тайшетлаг. Хайнц Баумбах был расстрелян на следующий день после помилования Вирта, 23 октября 1952 года.

В 1966 году в Треффурт из Москвы пришло фальшивое свидетельство о смерти: в нем было указано, что Хайнц Баумбах умер в 1954-м от естественных причин. В 1996 году Хайнца Баумбаха посмертно реабилитировали.

В установке таблички приняли активное участие дочь и внучка Хайнца Баумбаха, до сих пор живущие в том же доме. Внучка Баумбаха Тания Хартман подчеркнула в интервью русскоязычной телекомпании Deutsche Welle: «Мы, конечно, не раздумывали ни минуты. Это оказание последней почести делу, у которого не было похорон». Она также отметила, что памятная церемония стала для ее семьи символическим итогом многолетней поисковой работы. И что, когда разойдутся гости и разведутся журналисты, они еще раз соберутся всей семьей, чтобы помянуть деда, расстрелянного в Москве.

Как рассказала член правления немецкого «Мемориала» Анке Гизен в интервью «30 октября», на церемонии установки таблички также присутствовали и выступили Уполномоченный по осмыслению коммунистической диктатуры федеральной земли Тюрингия и мэр Треффурта. «Кроме них, пришли около 20 жителей города. Некоторые из них даже знали Хайнца Баумбаха. Помимо Deutsche Welle, присутствовали региональное телевидение, журналисты одной региональной и одной

национальной газеты», — отметила она.

Германия стала шестой страной, где установлены таблички в рамках проекта «Последний адрес». Как рассказал «30 октября» Марио Банди, история этих табличек началась в 2017 году, когда он сделал для местной радиостанции в Штутгарте передачу, посвященную российской оппозиции. Так он познакомился с организатором проекта «Последний адрес» Сергеем Пархоменко. «В какой-то момент Сергей сказал, что проекту хотелось бы выйти за пределы России. Толчком к решительным действиям стало признание «Последнему адресу» премии Федерального фонда исследований диктатуры СЕПГ (правда, премия, чтобы проект не преследовали как «иностранный агент», ушла на Украину). Во время визита Сергея Пархоменко в Берлин сложилась рабочая группа, в нее, помимо меня, вошли Анке Гизен и Николай Иванов», — отметил он.

Фамилия Баумбаха обнаружилась в изданной совместно Московским и Берлинским «Мемориалами» книге «Расстрелянные в Москве», где было собрано свыше 1000 фамилий немцев — жертв террора в советский период. «Составители этой книги проделали большую часть первичной работы, которую проводит «Последний адрес»: установка ФИО, места жительства, места и времени гибели», — отметил Марио Банди.

Найти потомков Баумбаха удалось с помощью общественной организации жертв сталинского террора «Воркута», действующей в Берлине. Ее координатор Штефан

Криковски — сын репрессированного в начале 1950-х гражданина ГДР Йоханнеса Криковски, осужденного на 25 лет и проведенного несколько лет в лагере под Воркутой до освобождения в 1955 году. Они вывели Марио Банди на Фридриха Вирта, а уж он дал адрес и телефон родственников Хайнца Баумбаха, с которыми поддерживал контакт после возвращения в Германию в 1955 году.

Установка таблички привлекла внимание к вопросу о месте жертв репрессий советских карательных органов и просоветского режима ГДР в исторической памяти современной Германии. По данным немецкого «Мемориала», всего было от 32 до 40 тысяч жертв. Большинство из них погибли в 1945–1953 годах. Так, Штефан Криковски заявил Deutsche Welle, что «жертвы коммунистической диктатуры — самые одинокие». Криковски считает, что им отведено куда более скромное место, чем жертвам нацизма.

Анке Гизен в интервью «30 октября» также согласилась, что с памятью жертв сталинизма в Германии неспроста. «В ГДР тема была табуирована, в рамках государственной пропаганды сообщалось, что те, кто был задержан советскими оккупа-

Окончание на с. 9 ➤

На снимках: Дочь репрессированного Ханнелоре Шварц (слева) и внучка Тания Хартман — около дома, где установлен знак.

Хайнц Баумбах, 1940-начало 1950-х гг.

Церемония в городе Треффурт, 30 августа 2019 года

Фото Владимира Есипова/DW предоставлены Немецким Мемориалом.

«БЕЗУМНАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИЛИ МОЗАИЧНОСТЬ» БОРИСА САВИНКОВА

Новая книга, посвященная трем братьям Савинковым: известному деятелю эсеровской партии, а затем и видному антикоммунисту Борису Савинкову, и его гораздо менее известным братьям — Александру и Виктору, вышла в конце сентября. Авторы-составители сборника, историки Константин и Алла Морозовы, рассказали о том, как родилась идея создания подобного сборника, почему он вышел таким объемным и собираются ли они продолжать исследования в этой сфере в будущем.

30 сентября в помещении «Международного Мемориала» в рамках постоянно действующего семинара «Левые в России: история и общественная память» состоялась презентация сборника документов «Три брата (То, что было)», вышедшего в издательстве «Новый хронограф». В сборник, подготовленный супругами-историками Константином и Аллой Морозовыми, вошли различные документы и материалы, хранящиеся в ГА РФ, РГАЛИ, Архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, Библиотеке международной современной документации в Нантере (Франция). Сборник вышел тиражом 300 экземпляров, из которых 200 будут разосланы в библиотеки по списку РФФИ, благодаря гранту которого книга увидела свет.

Как отметил на презентации книги председатель Правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский, книга настолько интересна, что станет библиографической редкостью уже через несколько дней после выхода. «Эта книга — история об удаче, когда документы из самых разных мест были собраны для рассказа об истории семьи», — подчеркнул он.

Константин Морозов рассказал, что интерес к Борису Савинкову возник у него, когда он учился в втором курсе университета и прочитал его воспоминания и романы «Конь бледный» и «То, чего не было» (переименованное название этого романа дало название сборнику). «Непосредственно работа с материалами сборника началась в 2009 году, когда Алла [Морозова] начала готовить к изданию воспоминания Виктора Савинкова, занявшие 40 авторских листов — большую часть сборника», — рассказал Константин Морозов. Он заметил, что по итогам работы сборник стал значительно более масштабным, чем рассчитывали составители. «Многое из того, что удалось осознать о Савинкове,

я понял только тогда, когда писал предисловие к сборнику — только тогда множество сведений наконец сложились, как пазл», — сказал он.

По словам Морозова, самым сложным в этой работе было понять самого Савинкова: «В нем постоянно жили два разных человека. К примеру, один пишет «Борьбу с большевиками», а другой — «Коня вороного». Десятью годами раньше один активно пытается организовать теракты, а второй пишет «То, чего не было». Каждый раз один отрицает то, что делает другой. Это одна из причин, по которой о нем не было серьезных исследований, зато сложился образ «спортсмена революции», авантюриста. И только работа над самыми разными материалами, как представленными в сборнике, так и не представленными, позволила говорить о нем как о человеке сильным, рефлексиирующем, хотя эти же переживания и сомнения его разъедали. Он сам понимал эти противоречия и писал в одном из писем жене, что он не может найти взаимопонимание в эсеровской партии: «Не мне, изломанному и составленному из мозаичных кусков, мне, ко-

шили, что будет интересно и важно при помощи документов, воспоминаний, писем показать судьбу трех реальных братьев. Конечно, самым известным из трех братьев был средний — Борис, но знакомство с историей семьи Савинковых привело нас к выводу, что и биографии двух других братьев: старшего — Александра и младшего — Виктора, — заслуживают специального исследования. Кроме того, мы стремились показать судьбу семьи Савинковых, по многим параметрам бывшей типичной интеллигентской семьей того времени. Благополучие этой семьи рушится, когда по политическому делу арестовывают двух старших сыновей. В своем очерке «Годы скорби» С.А.Савинкова описывает, с какой горечью смотрела она на своих детей, которых в ночи уводили жандармские офицеры лишь потому, что, воспитанные на идеалах добра и справедливости, они посмели публично высказать свою гражданскую позицию. И люди, бывшие лояльными государству, оказываются менее лояльными, когда понимают, что происходит что-то не то, поскольку их честные дети, борющиеся за свои идеалы, оказываются в ссылках и тюрьмах», — подчеркнула она.

Остальные выступления были посвящены или семье Савинковых (и ее самому известному представите-

стью». «Эта рефлексия — признак большого ума и совестливой души». Он подчеркнул, что после 1917 года Савинков проиграл во многом из-за того, что «не стал лстыть агрессивной толпе».

Президент Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодор Шанин призвал поставить в центр изучения не биографии братьев Савинковых, а тот немарксистский социализм, который исповедовали эсеры и который мог стать, но не стал альтернативой большевистскому проекту.

Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Борис Колоницкий заметил, что за книгой «ощущаются большая работа и большой кусок жизни, вложенные в нее». «Все читатели предисловия и комментариев могут почувствовать глубокое личное отношение составителей и комментаторов к героям книги», — сказал он, заметив,

того я и сам толком не понимаю, найти здесь любовь, теплоту и единомыслие». У Савинкова было много масок, и часть из них приросла к его лицу. Савинков любил и маску «человека дела», и маску «декадента и мистика». Как он сам писал жене, кафе и казино ему были нужны, чтобы забыться, заглушить боль и сомнения... Его жена В.Г.Успенская справедливо говорила: «Борис лучше, чем его слова».

«Ощущения ужаса от пролитой крови, от гибели друзей коржили его начиная с 1905 года. В итоге он до конца жизни прятался за маской человека спесивого и гордого, хотя на самом деле был типичным интеллигентом Серебряного века», — сказал историк.

Зинаида Гиппиус говорила: «Савинков сам как будто чувствовал себя убиваемым, убивая. Говорил, что кровь убитых давит его своей тяжестью». Его литературные морально-этические поиски, в которых он максималистски ставит вопрос о недопустимости пролития крови и о цене этой крови, безусловно заслуживают уважения.

Савинков, конечно, но вряд ли его можно назвать типичным интеллигентом. Уж слишком он был самобытен и оригинален, слишком противоречив. Прямо-таки коннозаводское производство получается».

Алла Морозова, отметила, что записки Виктора Савинкова — это записки человека, прошедшего через все, через что проходили представители его поколения, и описавшие эти явления «изнутри». «Мы ре-

Борис Викторович САВИНКОВ (1879–1925 годы) — российский политический деятель, публицист, писатель (псевдоним В. Ропшин). В 1903 — сентябре 1917 года эсер, один из руководителей «Боевой организации», организатор многих террористических актов.

Во Временном правительстве управляющий военным министерством. Руководитель антисоветских заговоров и вооруженных выступлений. Белоземгрант. Автор «Воспоминаний террориста» (1909 год), повести «Конь бледный» (1909 год), романа «То, чего не было» (1912 год), вскрывающих психологические мотивы политического терроризма; автор очерков, стихов.

Арестован в 1924 году при переходе советской границы, осужден. Покончил жизнь самоубийством. <>

лю — Борису), или размышлениям о книге.

Сын Виктора Савинкова, Серж Савинков, живущий во французском городе Баньоль, по скайпу рассказал, что в детстве слышал от отца рассказы о его участии в Гражданской войне. «С возрастом появилось желание узнать что-то о своих корнях». Оно исполнилось после неожиданной встречи в собственном ресторане Виктора Савинкова с его родственницей. За время поисков Серж Савинков и познакомился с Константином и Аллой Морозовыми, благодаря им он узнал многое о своей семье, а также он нашел множество документов, которые решил передать в ГА РФ. «Когда я передавал, Мироненко, бывший тогда директором архива, спросил: «Сколько вы за это хотите?» Я ответил: «Нисколько. Только посмотреть документы об отце, которые есть в архиве». Мне, конечно, дали их посмотреть», — рассказал Серж Савинков.

Историк Григорий Кан подтвердил, что Борис Савинков отличался от других революционеров тем, что был «рефлексирующей лично-

что место этой книги — «на книжной полке рядом с исследователями истории этого периода». «Эта книга не только о Борисе Савинкове, но и культуре и языке начала XX века, и было бы хорошо, если бы большое число магистрантов и аспирантов, занимающихся этим периодом, использовали бы книгу как пособие», — заметил он.

Почетный профессор факультета славяноведения парижского университета Сорбонна Вероника Жюбер отметила, что читателя «поражает та скрупулезность, с которой авторы ловят и разоблачают нестыковки в различных версиях, ложь или не упоминание каких-либо фактов». «На страницах есть много интересного и поучительного», — сказала она, приведя в качестве примера освещение

Окончание на с. 11 >

На снимках: На презентации книги — Борис Колоницкий, Теодор Шанин, Константин Морозов и Ян Рачинский. Алла Морозова.

Скриншот видеозаписи «Международного Мемориала».

ПРОКУРАТУРА: УГОЛОВНИКОВ НЕ РЕАБИЛИТИРУЮТ

Военные прокуроры, начиная с октября 1991 года до этого года, проверили 270 тысяч уголовных дел, возбужденных в период политических репрессий в СССР в отношении 300 тысяч человек.

Как сообщили в Главной военной прокуратуре, сотрудники надзорного ведомства проводили такие проверки, руководствуясь Законом РФ о реабилитации жертв политических репрессий. В итоге в прокуратуре пришли к выводу, что осуждение 180 тысяч репрессированных было обоснованным.

Согласно Закону о реабилитации жертв политических репрессий, подписанному Борисом Ельциным в 1991 году, политическими репрессиями в документе называются не только несправедливые судебные решения, но и административные меры — ссылки, высылки, направления в спецпоселения, привлечение к принудительному труду и так далее. Жертвами признаются не только сами репрессированные, но и родственники людей, расстрелянных

или погибших в тюрьмах и лагерях и реабилитированных посмертно.

Директор Музея истории ГУЛАГа Роман Романов в беседе с радиостанцией «Говорит Москва» подчеркнул, что среди репрессированных и правды были люди, осужденные за бытовые преступления, и они не подлежат реабилитации. «Надо посмотреть, о каких делах идет речь. Действительно, были заключенные, которые проходили через лагерь ГУЛАГа по бытовым ста-

тням, они совершали уголовные преступления и не были реабилитированы. Я думаю, что мы обязательно разберемся, раз это выходит как новость и есть конкретное ведомство, которое это заявляет. Мы обязательно с ними свяжемся и попробуем проанализировать».

Романов отметил, что точное число осужденных в годы советских репрессий неизвестно. По данным, которые установлены исследователями, через лагерь прошли около 20 миллионов человек. Согласно базе данных общества «Мемориал», 3,5 миллиона были реабилитированы. Работа в этой сфере продолжается.

Ян Рачинский, председатель Правления «Международного Мемориала», напомнил, что всего было три волны реабилитации (по-

сле смерти Сталина — 1953–1983 годах, период гласности — 1988–1991 годы, после принятия Закона о реабилитации — с 1992 года по настоящее время). В публикации речь идет только о той проверке уголовных дел репрессированных, которую проводили сотрудники Главной военной прокуратуры. А это сравнительно небольшая часть дел, и делать какой-либо вывод о пересмотре политики в отношении репрессированных не стоит. «Работа по проверке уголовных дел, возбужденных в годы политических репрессий, идет все время по мере выявления дел. Насколько планомерно, мне не известно. Это внутренний вопрос Военной прокуратуры», — сказал Рачинский.

В этом году в состав Комиссии при Президенте Российской

Федерации по реабилитации жертв политических репрессий вошел Ян Рачинский, ранее это место занимал Арсений Рогинский. Газета «30 октября» спросила Рачинского о значимости этого органа в мемориализации репрессированных. По его словам, комиссия является консультативным органом при президенте, изучает, анализирует и дает оценку политическим репрессиям. Члены комиссии регулярно представляют президенту информацию о ходе выполнения Закона о реабилитации жертв политических репрессий.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

НОВАЯ КНИГА О «ХАРБИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ»

Появлению на свет книги Сергея Прудовского «Спасская красавица. 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова» предшествовали 10 лет поисков, изучения архивов и баз данных, возвращения имен, вычеркнутых в период советских репрессий. Погружаясь в историю своего деда Степана Кузнецова, Сергей Прудовский проделал феноменальную работу, восстановив информацию о сотнях людей, пострадавших от государственного террора. От интереса к личной семейной истории он дошел до подробного изучения «Харбинской операции», а затем и всех национальных операций НКВД, многие документы которых не исследованы до сих пор.

Книгу Сергея Прудовского «Спасская красавица. 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова», выпущенную летом этого года издательством АСТ, представила в «Международном Мемориале» хранитель архива «Мемориала» Ирина Островская. Во вступительном слове она отметила, что за десять лет, в ходе которых Сергей Прудовский взаимодействует с «Мемориалом», «инженер Прудовский превратился в профессионального историка, крупнейшего специалиста по «Харбинской операции» НКВД».

Как пояснил автор, основу книги, вышедшей к 130-летию его дедушки, составили мемуары самого Степана Кузнецова «В угоду культуры личности» — их оригинал хранится в архиве «Международного Мемориала». Помимо этого, в книге опубликованы документы из его дела. Как пояснил Прудовский, это было сделано для того, чтобы читателям стало понятно, «как это все происходило».

Сергей Прудовский рассказал о том, как и почему он занялся этим исследованием. Он напомнил биографию своего деда, сопровождавая рассказ цитатами из воспоминаний. Родившийся в 1889 году в нижегородской деревне в бедной крестьянской семье Степан Кузнецов в 1917 году служил солдатом в Московском Кремле. Он поддерживал большевиков, вступил в 1918 году в РКП(б), после войны закончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и работал агрономом в Наркомземе. В 1929 году был послан с миссией по закупке семян в Маньчжурию и остался там, работая на КВЖД, где сделал

хорошую карьеру — стал временно исполняющим должность заведующего земельным отделом.

В 1935 году, после продажи КВЖД¹, вернулся в СССР вместе с почти 30 000 сотрудников КВЖД и членов их семей, вновь работал в НКПС, Наркомземе, Наркомате заготовок. Счастливо избежав маховика Большого террора, был арестован в апреле 1941 года. Сидел в Лубянской, Лефортовской и Сухановской тюрьмах. 6 июля 1941 года был приговорен к 15 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах. Отбывал наказание в лагерях в Коми и Казахстане. В одном из этих лагерей — Спасском — Кузнецов, продолжавший работать по своей специальности агрономом, вывел новый сорт помидора, название которого «Спасская красавица», попало на обложку книги. Как отмечалось в его воспоминаниях, после смерти Сталина в 1953 году, в так называемом Песчаном лагере (Песчанлаге) с центром в Караганде начались послабления — за работу стали платить, были сняты решетки с окон, из бараков вынесены парашаи, в ларьках появились мыло, сигареты, хлеб.

В 1955 году в Песчанлаг прибыла комиссия, занимавшаяся условно-досрочным освобождением заключенных, отбывших две трети срока. При этом в роли адвоката заключенных, предлагавшего освободить их, выступил начальник лагпункта. Степан Кузнецов был освобожден, а затем в том же году реабилитирован. Занятно, что постановление о реабилитации подписывал тот же генерал юстиции

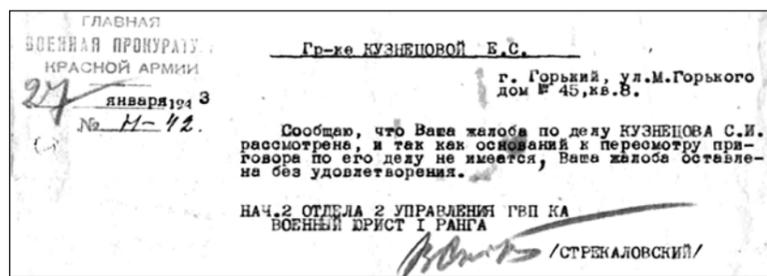
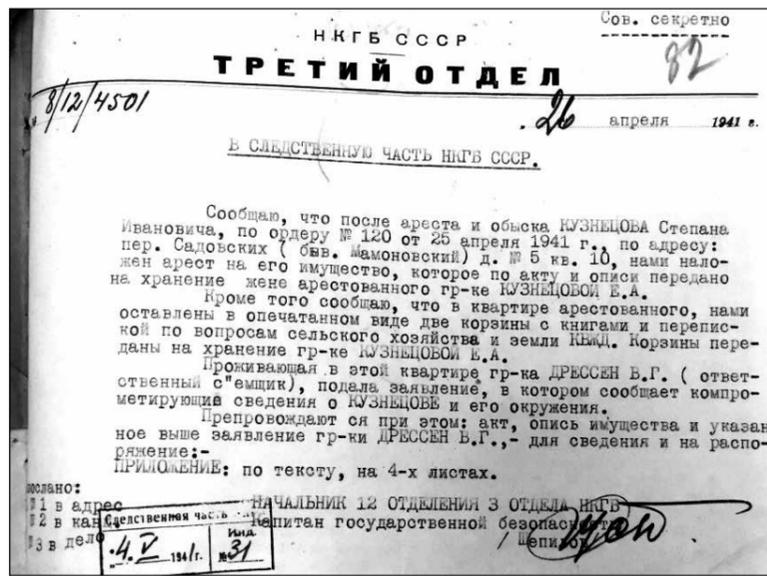
Чепцов, который за 14 лет до того был в осудившем его трибунале.

Сами эти воспоминания Степан Кузнецов писал уже после освобождения и до смерти в 1963 году. «Время от времени я их перечитывал, а в 2009 году перечел еще раз — и обратился в архив ФСБ с просьбой разрешить мне посмотреть дело деда и получить копии документов оттуда», — сказал Прудовский.

Заново перечитывая воспоминания деда, Прудовский наткнулся на лист с фамилиями его сослуживцев, которые были также репрессированы. «Я начал запрашивать их дела, выписывать имена дела и так далее. Так меня затянула тема репрессий против харбинцев», — подчеркнул историк. Согласно его исследованию, харбинцы подверглись едва ли не поголовной репрессиям. «Общее количество репрессированных значительно, чем число вернувшихся в 1955 году. Видимо, это объясняется тем, что брали и тех, кто уезжал раньше, и тем, кто репрессировали родственников, друзей, знакомых».

Сергей Прудовский также рассказал об источниках, которыми он пользовался. В частности, он выделил Архив внешней политики РФ, где хранятся материалы по эвакуации харбинцев, ЦА ФСБ, где хранятся дела ряда харбинцев, архив УФСБ по Москве и Московской области, куда до 2014 года могли присылать архивные дела из регионов, и эти дела можно было фотографировать. «Помимо уголовных дел, там хранятся различные материалы Главного управления госбезопасности, в том числе и копии протоколов Особого совещания. Они важны тем, что в них указано, в какие именно лагеря были посланы те или иные люди. Это может помочь родственникам, ищущим сведения о судьбе репрессированных родных».

Ряд дел «харбинцев» хранится в ГА РФ, который недавно выставил на сайт электронную базу данных. В госархиве Хабаровского края находится архив созданного японцами в Харбине в 1934 году Бюро русской эмиграции в Маньчжурии — «о тех, кто оказался чуть более дальновидным и остался в Харбине». Всего в БРЭМ зарегистрировалось около 44 000 человек — как белоэмигранты и их потомки, так и служащие КВЖД. При этом, судя по словам историка, не менее 10% харбинцев — сотрудники КВЖД — еще в Китае были

осведомителями НКВД, что, впрочем, не помешало расстрелять большинство из них во время Большого террора.

Он также отметил, что архивы категорически не желают открывать дела не реабилитированных чекистов. «Они держат эти дела под большим секретом и апеллируют в судах к приведенному в Конституции тезису о защите честного имени».

Я спрашивал, когда собирал данные, у Хорошевского районного суда в ноябре 2017 года, какое может быть честное имя у человека, признанного судом преступником и не реабилитированного. Суд ответа не дал, но дело я проиграл. Решение суда не опротестовано.

Ирина Островская в своем заключительном слове подчеркнула, что Сергей Прудовский буквально прочел все архивы и преодолел все препятствия, чтобы добраться до необходимых документов. «И такая книга по итогам десяти лет ра-

боты — это хороший результат» — отметила она, подчеркнув: «Если вы принесете документы в архив «Мемориала», они обязательно будут изданы».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. 23 марта 1935 г., после 21 месяца переговоров, в Токио было подписано соглашение между СССР и созданным японцами Марионеточным государством Маньчжоу-Го о продаже КВЖД за 140 млн иен (132 млн золотых рублей по курсу 1935 г.). При этом 2/3 выкупной суммы должно было обеспечиваться товарами и 1/3 — деньгами, причем половина этой суммы должна была быть выплачена сразу же после подписания соглашения.

На снимках: Сергей Прудовский на презентации своей книги. Документы, собранные С. Прудовским: сообщение о прибытии поезда с харбинцами, Постановление ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года о продлении «национальных операций» НКВД (в т.ч. харбинской). Газета «Правда» за 9 апреля 1935 года. Ответ на жалобу с просьбой о пересмотре дела Кузнецова, 27.01.1943 г.

РЕГИОНЫ

ПЕРВАЯ ТАБЛИЧКА «ПОСЛЕДНЕГО АДРЕСА» В ГЕРМАНИИ

➤ Окончание. Начало на с. 7

ционными властями, были нацистами, военными преступниками и врагами народа. Такое представление распространено до сих пор. В западной части Германии люди мало знали о репрессиях со стороны советских властей в восточной части страны. Было известно, что советские власти арестовывали людей. Но тех, кто из советской оккупационной зоны попал в ГУЛАГ и вернулся в 1955 году, в Западной Германии принимали за возвращающихся военнопленных», — отметила она. Анке Гизен подчеркнула, что на первом месте в исторической памяти в Германии стоят

жертвы нацизма. «Тех, кто занимается увековечением памяти жертв сталинизма, часто обвиняют в умалении страданий жертв нацизма. Просвещение на эту тему еще до сих пор очень нужно. Для этого есть государственный Федеральный фонд исследования диктатуры СЕПГ², а в каждой федеральной земле³ есть его уполномоченные».

Марио Банди также согласен, что ситуация с памятью жертв репрессий советского режима в Германии сложная. «Есть много левых, которые говорят, что нет ничего хуже нацистов с их концлагерями, а любое упоминание другого репрессивного режима, с теми же концлаге-

рами, приводит в ярость. Они считают, что таким образом преуменьшают вину нацистов. Когда Анке Гизен защищала свою диссертацию по лагерю «Перль-36», ее даже обвиняли в том, что она «продвигает холодную войну», — подчеркнул Банди. Впрочем, по его мнению, все не так мрачно. «Сейчас можно отметить деятельность Фонда исследования диктатуры, музеефикацию ряда объектов, например, того же изолятора МГБ в Потсдаме, для использования в просветительских целях. Есть и общественный интерес: недаром редакторы на радио, когда я предлагал подготовить про-

граммы об этом, соглашались», — заключил он.

В настоящее время, по словам Анке Гизен, проект «Последний адрес» ожидает согласия двух владельцев домов, где жили жертвы советского государственного террора, — в Берлине, где жил студент Вольф Утехт, и в Бранденбургском селе Даме, где жил учитель Людвиг Кракке.

Как объяснил «30 октября» Марио Банди, для установки памятник на улице нужно согласие городских властей, а вот для табличек, подобных «Последнему адресу», — решение хозяина дома или собрания владельцев квартир, так же как и в России. Он отметил, что в Германии

есть еще одна проблема — физическое исчезновение многих домов и даже кварталов в результате обстрелов и бомбардировок времен войны и масштабной реконструкции городов времен ГДР, поэтому может оказаться, что таблички просто некуда вешать.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. Фонд финансируется из бюджета и подотчетен Уполномоченному федеральным правительством по вопросам культуры и СМИ.
2. ФРГ является объединением 16 земель, обладающих частичным суверенитетом.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИИ

Новая книга Павла Поляна «Борис Меньшагин. Воспоминания. Письма. Документы» выходит в Санкт-Петербургском издательстве «Нестор-История». Герой книги Меньшагин — личность с уникальной судьбой. В довоенные годы — правозащитник, сумевший вытащить из-под расстрельных статей даже в годы Большого террора хотя бы нескольких невиновных.

В начале войны — бургомистр Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации, осужденный за это к 25 годам тюрьмы, автор исторических свидетельств, оставленных как во время следствия и в заключении, так и по выходе на свободу. Как бургомистр Смоленска он стал фактически заложником Катынской трагедии и аферы: именно сфальсифицированные чекистами «показания» Меньшагина легли в основу «доказательной базы» бесславного советского обвинения.

СЕМЬЯ И ДЕТСТВО

Борис Георгиевич Меньшагин¹ родился 26 апреля / 9 мая 1902 года. Считалось, что в Смоленске, но, скорее всего, это произошло гораздо южнее — в Николаеве или по соседству, в Херсонской губернии, где за несколько дней до рождения Бориса венчались его родители.

Свое гимназическое обучение Борис начинал в 1911 году почему-то в Бежице², где проучился до 1918 года, а продолжил и закончил — в Смоленске, в первой (бывшей имени Александра Первого) гимназии. В старших классах пришлось, вероятно, релетиторствовать: так можно понять его слова о том, что работать он начал с пятнадцати лет.

О своем детстве Меньшагин неожиданно отозвался, говоря об автобиографической прозе Валентина Катаева «Разбитая жизнь»: «Воспоминания Катаева поправились мне и потому, что напоминали мне мое детство. Хотя он на 3-4 года старше меня, но наши семьи по социальному и имущественному положению близки. Я жил примерно в таких же условиях, только не был двоечником и порядочным шалопаем, как Катаев, судя по его воспоминаниям. Некоторые события, о которых он пишет, я помню по газетам того времени. Газеты я читаю регулярно с 1910 г., за исключением периода с августа 1945 г. до начала 1952 г.»³.

СОБСТВЕННАЯ СЕМЬЯ

4 ноября 1922 года — в день Казанской Божьей матери — Меньшагин женился на Наталье Казимировне Жуковской⁴, машинистке местного Смоленского издательства. В «Воспоминаниях» Меньшагин отозвался о ней так: «Многим хорошим в своей жизни и деятельности я обязан ей». Это она предложила мужу: покуда служишь в армии, учись — пусть заочно, но учись!..

Своих детей у Бориса и Натальи Меньшагиных не было. Возможно, именно поэтому расставание с женой не миновало его. Но произошло это уже тогда, когда Меньшагин был начальником не только семьи, но и города, в котором 29 октября 1940 года родилась и росла его дочь Надя.

Тем, что мы все-таки знаем, мы обязаны самой Надежде Борисовне Меньшагиной⁵. Но ей не было и пяти, когда она в последний раз видела отца, так что всё сохранившееся в ее памяти — хотя и достоверно, но, увы, неполно. Детская память охотнее берегла совсем другое — самое главное: то, как отец ее любил и как она его любила и обожала. А еще — черного шпика в Бобруйске, а еще — сногшибательный торт на свой день рождения, а еще то, как отец ел глазунью — сначала весь белок, а потом, как бы заключительным аккордом, желток — сразу и целиком. А еще то, как они жили в Берлине, в гостинице, и мальчишка-официант приносил пиво и одно только пиво: больше ничего в ресторане не было...

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ РККА И ПРАВЗАСТУПНИК

Революция, прошив собою последние гимназические годы, привела Бориса Меньшагина, выходящего из духовного сословия, в... Красную армию, в которой он прослужил без малого 10 лет — с 19 июля 1919 по 25 мая 1927 года. Согласно учетной карточке РККА, он пехотинец и участник Польского похода 16-й ар-

БОРИС МЕНЬШАГИН: ПРАВЗАСТУПНИК, БУРГОМИСТР, СВИДЕТЕЛЬ

мии. Служил он на должностях нестроевых.

К этому времени относится одно место в эпистолярной Меньшагина: «Еще со времен Гражданской войны, когда я служил в авточастях и частенько ломал голову, как из ничего сделать что-то, чтобы машины смогли бы выйти по наряду, я привык ценить вещи и бережно относиться к имуществу. Поэтому мне очень неприятно видеть, как без толку расходуются средства и гибнут хорошие еще вещи»⁶.

Это объясняет в его характере как минимум две черты. Первая: разгильдяйство и бардак были ему не по душе ни под каким соусом. И вторая: установка на противостояние трудностям и на активное их преодоление.

Последние три года армейской службы Меньшагина прошли в авиации, в ее наземной части. 5 мая 1924 года⁷ его перевели в старшие делопроизводители техчасти 2-й отдельной разведывательной и 18-й отдельной авиаэскадрильи, а с 1 декабря 1926 года — исполняющим обязанности помначтехчасти 13-го авиапарка (Смоленск). С этой должности Меньшагин и был демобилизован 17 мая 1927 года⁸.

Если в армию Меньшагин поступал добровольно, то уходил из нее иначе: согласно учетной карточке — «по несоответствию службе в РККА». Сам Меньшагин позднее пояснял: за религиозные убеждения и регулярное посещение церкви.

Но напомним, что Меньшагин учился на заочных Высших юридических курсах Первого МГУ. Так что, когда Меньшагина вычистили из армии, без профессии он не остался.

Собственно юридическая карьера Меньшагина началась в 1927 или 1928 году в Смоленске. Но в родном городе Меньшагин надолго не задержался — и снова по причине религиозности: частые походы в Успенский собор на всеночные и обедни были у всех на виду. Показательно, что донос об этих грехах написала... дочка священника, вскоре сама ставшая адвокатом.⁹

Меньшагин наивным не был и счел за благо на время покинуть Смоленск.

Семья же всё это время жила в Смоленске, куда в середине октября 1931 года вернулся и Меньшагин. Пробыл, однако, недолго, ибо подвел работу в столице, пусть и не самая престижная: сначала, в конце 1931 года, юристом на Первом авторемонтном заводе, а позднее — во 2-м автогрузовом парке Мосавтогужтранспорта, что в Бумажном проезде около Савеловского вокзала.

Там-то и столкнулся с ним Кравчик, бывший сиделец и безработный юрист:

«В полуметровой комнате, отгороженной от другой перегородкой, за столом сидел интеллигентного вида человек лет сорока, аккуратно одетый, в галстуке. Весь его вид не вписывался в окружающую его обстановку.

На столе лежало большое количество бумаг, обложки для претензионных и судебных дел. Подняв голову и посмотрев на меня, он предложил мне сесть. Я стал рассказывать о себе. Я сказал, что имею юридическое образование, что работал в институте на Украине, и показал свою трудовую книжку с записью о том, что уволен как «враг народа». Как мне показалось, эта формулировка его не испугала, а, наоборот, вызва-

землеустроителям — С.В.Фалку, И.Ф.Московскому и С.И.Кузнецову, после чего их выпустили на свободу как уже отсидевших новоназначенный срок. Он «отбил» еще и их жен, посаженных Особым совещанием на пять лет ИТЛ за недонесение о вредительской деятельности их мужей по первому приговору, отмененному для их мужей, но не отмененному для них!»¹²

Понятно, что тогдашние следователи и прокуроры имели на Меньшагина немалый зуб. Уже после войны, в августе 1945 года, следователь Управления НКГБ по Смоленской области Б.А.Беляев, который вел дело Меньшагина-коллаборанта, первым пунктом записал: «Работая адвокатом в Смоленской коллегии адвокатов, защитником подстрекал обвиняемых отказываться от показаний, даваемых на предварительном следствии».

На что подследственный отвечал: никогда и никого не подстрекал, но всегда советовал говорить правду.

ВОЙНА: НАЧАЛЬНИК СМОЛЕНСКА И БОБРУЙСКА

Ощущение личной правдивости, искренности не покидает и при чтении «Воспоминаний о пережитом»

Б.Г.Меньшагина. Это подробнейший рассказ как раз о деятельности на посту начальника (бургомистра) Смоленска, быть которым фашистская администрация назначила как раз его¹³. Функционал этой должности более всего напоминает современные сити-менеджера: политические указания ему отдавали истинные «начальники Смоленска», в это время — фашисты.

Он излагает события подробно, в их последовательности и связи, не избегает при этом и оценочных суждений по поводу описываемых событий и лиц, отдает себе полный отчет в своем коллаборационизме, но при этом ни в коей мере не пытается ни оправдаться, ни замолчать что-либо, ни даже объяснить.

Но есть несколько «узлов» — эпизодов жизни оккупированного Смоленска, — о которых он общается, но как-то по-особенному: отстраненно и с отторжением. И все они рифмуются на слово ликвидация. Я имею в виду тотальное убийство в зоне его бургомистерской ответственности трех обреченных контингентов — умалишенных, цыган и евреев, а также судьбу двух категорий военнопленных — советских в немецких руках и польских — в руках советских.

Еще один такой «узелок» для Меньшагина — советские военнопленные. Сам Меньшагин многократно — и с удовольствием — напоминал себе и другим, что на полную катушку пользовался своим правом хлопотать о переводе военнопленных из состояния плена в гражданское и об их приеме в городские службы на работу. Его общая — и, вероятно, завышенная — оценка числа спасенных им таким образом красноармейцев варьируется от 2 до 4 тысяч!

...Н.Г.Левитская вспоминала, что о Катяни (а 18 апреля 1943 года он стал свидетелем немецких эксгумационных работ в Катынском лесу) Меньшагин рассказывал особенно скупо и неохотно, одними и теми же словами, и просил ничего не записывать.

В том же, что именно Катяни была причиной его 25-летнего срока, он ни на секунду не сомневался. Ведь он был уже на Лубянке, когда

начался Нюрнбергский процесс, где советские юристы заявили, что он, смоленский бургомистр Меньшагин, пропал без вести, и вместо него представили суду его заместителя — профессора Базилевского, который давал любые нужные советской стороне показания, ссылаясь при этом на Меньшагина, так кстати «пропавшего».

Меньшагин получил назначение в Бобруйск — на должность начальника города (немецким комендантом его с сентября 1943 года был генерал-лейтенант Адольф Гаманн). Бобруйск был освобожден Красной армией 29 июня 1944 года в ходе наступательной операции «Багратион». Так что стаж управления им у Меньшагина тоже немаленький — около 9 месяцев. Подробности того, когда и как Меньшагин с семьей был эвакуирован из Бобруйска и как оказался в Карлсбаде, мы не знаем. Американцы же, заняв Карлсбад в начале мая, по-видимому, интернировали его одного, без семьи, в ближайшем проверочном лагере. 28 мая, освободившись, Меньшагин вернулся в Карлсбад, в котором, начиная с 11 мая, стояла уже Красная армия. Застав в бывшей своей квартире распахнутые двери и полный разгром, он решил, что семью захватили большевики.

Что же делать? — Как что, расстаться с жизнью! Достав веревку, Меньшагин пошел на лесистую сопку, чтобы повеситься. Но когда он уже пристраивался, встретился ему какой-то местный житель, сумевший его отговорить от самоубийства. Приняв это за перст судьбы, указующий на то, чтобы добровольно сдать Советам и тем самым облегчить участь своих близких, Меньшагин так и поступил.

Между тем жена его с дочерью благополучно уплыли в послевоенное море перемещенных лиц. Они избежали ареста и сумели попасть в американскую зону оккупации.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ЛУБЯНСКИЙ И ВЛАДИМИРСКИЙ СИДЕЛЕЦ

С 28 мая 1945 года по 30 сентября 1951 года, то есть 6 лет и 4 месяца, Борис Георгиевич Меньшагин находился под следствием: сначала — в Смоленске, а потом — в Москве. Его дело №10035 вело 2-е главное управление МГБ СССР, а статья, по которой он обвинялся, была грозной — измена родине.

Самое удивительное, пожалуй, вот что: все следователи, причастные к делу Меньшагина, — и майор Б.А.Беляев в Смоленске, и подполковники А.Д.Меретуков, А.А.Козырев и Д.В.Гребельский в Москве хотя и спрашивали Меньшагина о катынском деле, но, выслушав его рассказ, протоколировать не спешили: мол, записывать сейчас не будем, к вопросу еще вернемся — но так и не вернулись за шесть с лишним лет. Они просто не знали, что с этим делать: и оставлять нельзя, и выбрасывать жалко! Выпускать Меньшагина свидетелем в Нюрнберг нельзя: надежен, да еще юрист! Но нельзя и ликвидировать: а вдруг для чего-нибудь пригодится!

Иными словами, Катяни в судьбе Меньшагина сыграла двойную роль: она спасла его от смерти, но и стала причиной той исключительной степени изоляции, которой он подвергся!

Изоляция от внешнего мира, в которой держали Меньшагина, избавила его от икоты 1 июля 1946 года, во время выступления его бывшего заместителя Б.В.Базилевского на Нюрнбергском суде. Об отчете Комиссии Н.Н.Бурденко он уже знал, но не знал деталей. И только в 1971 (sic!) году, освободившись из тюрьмы и поселившись в Княжей Губе (Коми), в доме-интернате для престарелых, — да еще в рамках внутрисоциального тамошнего конфликта — ему довелось впервые услышать о своей «роли» в катынском вопросе! Его «собеседник» прямо обвинял его даже в соучастии в катынском убийстве и ссы-

дальше при этом на третий том протоколов Нюрнбергского процесса.

Тогда Меньшагин пошел в Зеленоборскую библиотеку, нашел нужную книгу и ознакомился с показаниями Базилевского, лично сообщившего международному трибуналу в Нюрнберге о том, что будто бы слышал от Меньшагина в сентябре 1941 года, что все пленные поляки будут убиты немцами, а через несколько дней — что они уже убиты. Продолжил цитатами из меньшагинского текста: «Мне от души жаль этого несчастного лже-свидетеля, бывшего до этого порядочным человеком и купившего себе относительную свободу ценой клятвы-вотпреступления. Характерно, что при допросе меня ни один из следователей даже мельком не упомянул о показаниях Базилевского и к делу моему они не приложены. Это лучше всего доказывает их происхождение и цену». И в другом месте: «Я понимаю, в каких трудных обстоятельствах был в то время Базилевский, и не осуждаю его, но сказать, что он лжет и лжет не по ошибке, а заведомо для себя, — считаю своей обязанностью перед историей».

Кстати, Борис Васильевич Базилевский остался в оккупированном Смоленске и добровольно отдался в руки НКВД. Его следственное дело заканчивается уже в начале 1944 года словами, просто волшебными для комбинации из сталинской юстиции и бывшего вице-бургомистра: «Освободить за отсутствием состава преступления!» Из тюрьмы он перекочевал прямоенько в профессорскую астрономии Новосибирского университета. В его университетском деле, в «Личном листке по учету кадров», записанном 8 апреля 1946 года, есть примечательная лакушка: с 15 марта 1926 года и по 19 сентября 1943 года — и безо всякого перерыва и вице-бургомистерского совместительства! — профессор, видите ли, трудился директором обсерватории Смоленского университета Наркомпроса РСФСР (такая карьера невозможна без вмешательства КГБ).

Меньшагина привезли в Смоленск из Европы 9 августа 1945 года, поместили во внутреннюю тюрьму областного управления госбезопасности, что на улице Дзержинского. В ночь с 29 на 30 ноября 1945 года взглянуть на Меньшагина (как на своего «предшественника», что ли?) пожелало и первое лицо области — первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Д.М.Попов. А наутро Меньшагину выдали валенки и

полушубок, пайку хлеба и селедки и отвезли в Москву, на Лубянку. Итого в Смоленской тюрьме он пробыл шесть месяцев.

А в Лубянской ему предстояло пробыть еще шесть лет — до 30 сентября 1951 года! Только 12 сентября 1951 года Постановлением ОСО при МГБ СССР Б.Г.Меньшагин получил свой приговор — и это максимально возможный срок: 25 лет тюремного заключения.

Как юрист Меньшагин лично оценивал свою вину как тянущую лет так на 10, но никак не на 25! Но как вдумчивый аналитик понимал, что его «четвертак» и его судьба оказались в силовом поле куда более значимых факторов, чем Уголовный кодекс, — и прежде всего фактора Катыни. Катынь, возможно, спасла его от казни, но она же не допускала и мысли о таких процессуальных прятках, как условно-досрочное освобождение и так далее.

...30 сентября 1951 года Меньшагина отконвоировали из Москвы во Владимир. Везли в поезде, в арестантском — столыпинском — вагоне, но в отдельном купе, с офицерским конвоем, а не с солдатским, как у всех остальных.

Работа над воспоминаниями заняла у него три года — с 15 мая 1952 года по 6 июня 1955 года: «Воспоминания эти были посвящены моей жизни, работе и переживаниям за время с 22 июня 1941 и по 30 сентября 1951 года, то есть по день моего прибытия во Владимирскую тюрьму №2. Я тогда еще очень живо сохранял в памяти все пережитое в эти годы во всех его деталях и переложил его на бумагу, придерживаясь правила писать правду и только правду, ничего не выдумывая, не скрывая своих ошибок и заблуждений, но в то же время избегая и лицемерного осуждения себя».

Меньшагин отсидел весь свой «четвертак» — с 28 мая 1945 по 28 мая 1970 года, из них 19 лет во Владимирской, в том числе более 11 лет в одиночке, 3 года из них был «номерной», то есть у него даже имени не было. Это было сделано для того, чтобы минимизировать или вообще исключить какие бы то ни было контакты.

В 1969 году, за год до истечения срока, Борис Георгиевич натерпелся новых страхов. Связано это было с делом Святослава Караванского, украинского поэта, филолога и публициста, проведшего к тому времени уже более 20 лет в советских тюрьмах.

Оказавшись во Владимирской, он через свою жену Нину Строкату пытался передать на волю (кстати, Ларисе Богораз) «Завещание» и «Прошение» Меньшагина, записанные тайнописью и содержащие информацию об обстоятельствах катынского дела. Караванского же в 1970 году приговорили к новому 10-летнему сроку.

Дополнительного срока Борис Георгиевич не нажили, но с рук ему эта история все-таки не сошла. На прощание он получил мощный удар — у него отобрали воспоминания, которые он, с официального разрешения начальника тюрьмы, писал в 1952–1955 годах.

ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ: КОЛЬСКИЙ ИНТЕРНАТОВЕЦ

Итак, 28 мая 1970 года срок Меньшагина истек, и он вышел на свободу.

Его отправили подальше — в Мурманскую область на Белое море, в поселок Княжая Губа, в инвалидный дом-интернат для 140 таких же, как и он, стариков. В интернатах Меньшагин прожил еще долгие одиннадцать лет. Старики и инвалиды в Княжей Губе были не совсем простые, а специфические — с уголовным прошлым. Предателю Родины и пособнику немцев априори не позавидуешь, но Меньшагин и в 68 умел постоять за себя и даже за других, называл все эти стычки «местными безобразиями» и сам относился к ним спокойно. Его, едва ли не единственного непьющего в доме и единственного, к кому все обращаются по имени-отчеству, сразу же избрали в общественный совет заведения, а в конце 1972 года — и в культурно-бытовую комиссию.

Узнав из «Хроники текущих событий» об освобождении Меньшагина, Вера Иосифовна Лашкова и еще несколько москвичей из правозащитной среды разыскали его в Княжей Губе и стали регулярно ему помогать, окружив вниманием и заботой.

Уже в 1970 году, приехав впервые после тюрьмы в Москву, он побывал у Натальи Аничковой и Надежды Левитской (ЭнЭны — как их обобщенно называли). Затем он встретился с Верой Иосифовной Лашковой — вот ее рассказ об этой встрече: «Я не помню, говорили ли мы по дороге, но как толк мы оказались в комнате, Борис Георгиевич сразу стал рассказывать обо всем, даже и без моих расспросов. Начал еще с мирной жизни, когда он жил в Смоленске, ра-

ботал там адвокатом; рассказывал и о каких-то конкретных делах, в которых ему приходилось участвовать как защитнику. <...> И как жил в Смоленске во время оккупации, и как согласился стать бургомистром, и ключевое — о том, как участвовал в открытии могил в Катыни и как убедился в том, что расстреливали не немцы. Мне было очень интересно, как он сумел сохранить такую ясную и точную память: вспоминая, многие фразы он начинал так: «10 июня 1948 года, в четверг» (условно)... и так далее. Меня это тогда поразило — такая точность».

3 марта 1975 года Меньшагин писал Вере Лашковой: «И, пожалуй, самым счастливым днем моей жизни было 21 июня 1938 г., когда закончилось дело 8 работников животноводства Смоленской области, начавшееся 24/XI-1937 г. показательным процессом во Дворце труда на Ленинской ул. по обвинению их во вредительстве. 28/XI-1937 г. всем им был вынесен смертный приговор без права обжалования. <...> Во мне все ликovalo, когда член Верховного суда Канаев прочитал определение кассационной комиссии. Утром 22/VI-1939 г. я отправился в тюрьму и сообщил им о предстоящем освобождении. Они плакали, обнимали меня, и я плакал вместе с ними. Воспоминания об этом деле поддерживали меня, улучшали настроение, питали чувство гордости в период горестного 25-летия. Даже сейчас эти строки вызывают слезы и дрожь рук».

Милица (Милица Константиновна) Савич пригласила Меньшагина погостить летом на даче. Вместе со своей мамой и Надеждой Левитской они сняли просторную дачу под Новым Иерусалимом у Ники и Алексея Тривеллеров. Меньшагин с удовольствием здесь и в этом обществе проводил первый и все последующие 11 «отпусков» — вплоть до самой смерти.

В летние месяцы, по настоянию ЭнЭн, Меньшагин заново садился за воспоминания. Об этом же, через Левитскую, его просил и А.И.Солженицын. Исписанные тетрадки часто перепрыгивались, какая-то часть их при этом была утрачена. Несколько раз на магнитофон записывались разговоры с ним (интервью), по сути, его монологи. Заводит Меньшагин и переплски — с Григорием Ивановичем Дьяконовым, с Габриэлем Суперфином, с Верой Лашковой и некоторыми другими.

Еще в первом своем письме Суперфину — от 4 января 1980

года — Меньшагин набросал что-то вроде итогов пережитого за жизнь: «Не всякий сможет поставить себе в актив спасение от смерти 11 человек с риском для себя, не считая случаев замены смертной казни без такого риска; да и возвращение несколькими тысячам людей свободы, в т.ч. в годы войны более 3 тыс., — всегда приносило мне радость. Что же касается несчастий, то редкий человек может избежать их. Нет, я был бы неблагодарным, бессовестным, если бы жаловался на жизнь».

Борис Георгиевич Меньшагин скончался 24 апреля 1984 года, не дожив до 82 лет. На похороны в Кировск приехала одна только Левитская.

На следующий год московские друзья водрузили на его могиле крест. В 1988 году, на основе магнитофонной записи одного из его устных рассказов, издательство «ИМКА-Пресс» в Париже выпустило небольшую книгу воспоминаний Меньшагина, подготовленную Габриэлем Суперфином совместно с Александром Грибановым и Натальей Горбаневской.

Павел ПОЛЯН

1. Написание фамилии варьировалось, но основным вариантом был «Меньшагин».
2. Пригород Брянска (ныне в городской черте). Бежицкая мужская гимназия при Бежицком заводе была открыта в сентябре 1911 г., то есть в год поступления в нее Бориса. Интересно, что ни Бежица, ни Брянск в формулярном списке Г.Ф.Меньшагина не фигурируют.
3. Из письма Б.Г.М. к Г.Г.Суперфину от 27 февраля 1973 г.
4. Родилась 24 ноября 1899 г. в Ковно. В качестве сопровождающего лица в ее картотке МСР указана, предположительно, ее мать — Цецилия Зубкович (Чернявская; р. 8 июня 1867 г. в Ковно). См.: <https://digitalcollections.mcp-arolsen.org/03020101/name/pageview/2838042/2997942>.
5. Первый подробный и обстоятельный разговор с ней по скайпу состоялся 23 марта 2019 г., после того как Суперфин и я, анализируя главным образом документацию МСР, обнаружили прямые следы Надежды Борисовны Меньшагиной, по мужу Ефремовой.
6. Из письма Б.Г.М. к Г.Г.Суперфину от 26 февраля 1972 г.
7. Приказ Реввоенсовета СССР по личному составу №114; § 1.
8. Приказ Реввоенсовета СССР по личному составу №120/19 от 17 мая 1927 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2969. Л. 36 об.).
9. Меньшагин, 2019б.
10. Меньшагин, 1988. С. 135-136.
11. См.: Юранов А.П. Бруцеллез сельскохозяйственных животных и меры борьбы с ним. М.: Сельхозгиз, 1939. 32 с.
12. См. подробно об этих процессах и успехах Меньшагина-адвоката в: Меньшагин, 1988. См. также: Макаев Б.В. Деятельность органов прокуратуры и суда по расследованию уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937–1938 гг. (по материалам Западной и Смоленской областей) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2007; Кодин, 2011. С. 126. URL: http://smolenschina-1917-1953.blogspot.de/2011/10/1917-1953-35_28.html (у Кодина иные даты: процесс — 25–30 сентября 1937 г., изменение приговора — март 1940 г.).
13. Полян на радио «Эхо Москвы» поясняет: «Выбор был достаточно случайный, им (фашистам) нужно было кого-то с образованием и кого-то с опытом практической административной деятельности. Будучи бургомистром, и это была его (Меньшагина) сознательная политика, он как бы в кошачьи-мышки и с советской властью играл, и с немецкой властью, выстраивая с ними хорошие отношения и делая в рамках своих полномочий и компетенций минимум плохого. Не скажу, что максимум хорошего, но — минимум плохого».

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«БЕЗУМНАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИЛИ МОЗАИЧНОСТЬ»

БОРИСА САВИНКОВА

➤ Окончание. Начало на с. 8

роли Савинкова во Временном правительстве и Корниловом мятеже. Она особо отметила: то, что есть в книге, существенно дополняет скудные данные из современной литературы. Вероника Жобер также подчеркнула, что общим у трех братьев Савинковых была их принадлежность к той группе интеллигенции, которая наиболее активно участвовала в революционном движении.

Профессор ПСТГУ, специалист по истории и биографии служилого сословия и офицерства начала XX века и Белого движения, Сергей Волков отметил, что книга ясно показывает, что последние поступки Савинкова — переход на сторону большевиков и самоубийство — вытекали из всей его предыдущей деятельности и были предопределены всей его жизнью.

Старший научный сотрудник НИПЦ «Мемориал» Дмитрий

Зубарев заметил, что, увидев книгу, он испытал двоякое чувство: «Свершилось... Но почему не я?» И рассказал о своей деятельности в качестве «савинкововеда» в 1990-х — об архивных документах, которые он читал одним из первых, о своем участии в Комиссии по литературному наследию Савинкова, существовавшей в первой половине 1990-х при Союзе писателей. «Но во второй половине 1990-х, когда начались различные теракты, пропагандировать деятельность такого террориста, как Савинков, стало как-то небезопасно», — подчеркнул он. Продолжая слова Вероники Жобер, Дмитрий Зубарев похвалил составителей книги за разоблачение лжи об убийстве Савинкова на Лубянке в 1925 году, которая была придумана эмигрантскими авторами в 1920-х и возрождена авторами 1960-х, в том числе Шаламовым и Солженицыным.

Диссонансом среди выступлений прозвучала речь заместителя дека-

на по учебной работе факультета государственного управления МГУ Романа Гордницкого, который покритиковал авторов сборника за неполную публикацию переписки Савинкова, заметив, что публикация носит «постмодернистский характер — из-под земли растут какие-то непонятные ростки, которые не связаны в единую систему».

Израильский историк, специалист по истории еврейства в России, истории российского революционного движения и Гражданской войны Леонид Прайсман в ответ поблагодарил составителей сборника за публикацию переписки Савинкова: «Это лучшая публикация переписки, которая мне попадалась». Он предположил, что публикация ее полной версии заняла бы много томов. Говоря о самом Савинкове, Прайсман подчеркнул, что тот был хорошим писателем, «неплохим» террористом (правда, по мнению выступавшего, у него все получалось, когда им руководил Евно Азеф) и никаким политиком. «Борясь с большевиками, он хотел объединить монархистов и социалистов. Но поскольку он был человеком невероятно честолюбивым, то считал, что эта борьба должна вестись только под его руководством».

В своем заключительном выступлении, поблагодарив всех выступавших за советы и замечания, которые, по его словам, будут учтены при написании монографии о Савинкове, которая выйдет в следующем году, Константин Морозов также вновь повторил, что, говоря о Савинкове, надо учитывать его «безумную противоречивость, или мозаичность». «С 1917 года было метание между Савинковым-революционером и Савинковым-государственнымником. Оттуда были и восхваления Муссолини, и восхваления большевиков», — заключил он.

Алла Морозова в беседе с корреспондентом «30 октября» подробнее рассказала о структуре книги. «Большую часть книги занимают «Записки» Виктора Савинкова, в которых он описывает все, через что проходили представители его поколения, — Первую мировую войну, революцию, Гражданскую войну — и описывает эти явления «изнутри», глазами интеллигента, художника, волею судьбы ставшего артиллерийским офицером, командиром батареи, воевавшего сначала на стороне «белых» в казачьих партизанских отрядах на Дону, попавшего затем в

Новороссийске со своей батареей в плен к «красным», отправленного на польский фронт, перешедшего к полякам и сотрудничавшего затем в организациях своего старшего брата, участвовавшего в походе Булак-Балаховича. Кроме того, в сборник включен значительный массив семейной переписки, позволяющей увидеть и почувствовать атмосферу в этой семье и взаимоотношения между разными ее поколениями. В книге также публикуются письма Бориса Савинкова делового и политического характера 20-х годов».

Константин Морозов поделился с «30 октября», что они с Аллой сейчас готовят монографию о Борисе Савинкове, которая должна выйти в будущем году. «Надеюсь, что смогу ответить на многие из вопросов (хотя явно не на все), которые интересуют многих людей, прикасавшихся к высшей степени противоречивой и парадоксальной фигуре Бориса Савинкова», — сказал историк.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

ОКТАБРЬСКИЕ И НОЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1929. Октябрь

Резким падением курса акций на Нью-Йоркской бирже начался крупнейший в XX веке мировой экономический кризис. Среди его последствий — приход нацистов к власти в Германии. Кризис развязал руки Сталину для проведения тоталитарных экономических экспериментов: индустриализации и коллективизации. Целые промышленные отрасли некоторых наиболее развитых в экономическом отношении стран, таких, как Германия, Великобритания, США, избежали катастрофы благодаря продаже своей продукции СССР.

1934. 27 октября

ЦИК и СНК СССР приняли постановление о ликвидации республиканских управлений исправительно-трудовых учреждений. Все места лишения свободы были объединены ГУЛАГом НКВД СССР. Произошла полная централизация пенитенциарной системы, которая просуществовала в таком виде до 1960 г. После 1934 г. меняется структура, переходя от воспитательно-образовательной системы, которая декларировалась в 1920-е гг., к ГУЛАГовской строительной модели. Гражданская пенитенциарная система уже не могла справиться с большим количеством заключенных, и понадобилась фактически военная организация, что отразилось и на количестве заключенных, и на условиях их содержания.

1939. 31 октября

На сессии Верховного Совета СССР председатель СНК В.М.Молотов, предлагая депутатам ратифицировать Договор о дружбе и границе с Германией, заявил, что польское государство, «уродливое детище Версальского договора», исчезло навсегда. Договор о дружбе имел один конфиденциальный и два секретных дополнительных протокола, в которых определялись сферы интересов СССР и Германии, в частности, между Германией и СССР была поделена территория Польши, и вся территория Литвы, кроме Сувальского района, переходила в сферу влияния Советского Союза.

1944. 2 октября

Гитлеровцы в Варшаве подавили двухмесячное сопротивление повстанцев, признававших правительство Польши, базировавшееся в Лондоне. В ходе боевых действий погибли сотни тысяч людей, столица Польши была на 60% разрушена. В течение этих двух месяцев советские войска, стоявшие на противоположном берегу Вислы, не оказали помощи восставшим (перебрасывались на другие участки фронта). Сталин не поддерживал эмиграционное правительство Польши и надеялся с помощью немцев расправиться с его сторонниками.

1949. 25 октября

СССР и Югославия разорвали дипломатические отношения. Это был первый раскол монолитного коммунистического блока. Завершился двухгодичный конфликт, возникший из-за сопротивления дикта-

ту Сталина правительства во главе с Тито и руководства компартии Югославии, их желания строить социализм по-своему. По всем странам Восточной Европы прокатилась волна расправ над теми, кого подозревали в симпатиях к идеям лидера Югославии.

1959. 15 октября

В Мюнхене агентом КГБ был убит Степан Бандера, лидер Организации украинских националистов (ОУН), которая в изгнании вела борьбу, в том числе и вооруженную, против СССР, за независимость Украины. В 1934 г. Бандера был арестован польскими властями и приговорен к смертной казни, позднее замененной на пожизненное заключение. В 1936–1939 гг. он отбывал срок в польских тюрьмах. Свободу получил в сентябре 1939 г. благодаря нападению Германии на Польшу. Некоторое время Бандера находился в подполье на советской территории. С февраля 1940 г., после раскола ОУН, он стал руководителем фракции ОУН(б) (бандеровского движения). В 1941 г. возглавил созданный годом ранее Революционный Провод (руководство) ОУН. После нападения Германии на СССР Бандера был арестован немецкими оккупационными властями за попытку провозглашения самостоятельного Украинского государства и помещен под стражу. После января 1942 г. он был отправлен в концлагерь Заксенхаузен, откуда был отпущен гитлеровцами в сентябре 1944 г., занимаясь подготовкой диверсионных групп в разведшколе в Кракове. В 1947 г. стал руководителем Провода ОУН.

1969. 6 октября

В Москве, в магазине ГУМ, два молодых скандинавских правозащитника — Харальд Бристоль (Норвегия) и Елизавета Ли (Швеция) — приковали себя наручниками к ограждению второго этажа и в течение получаса разбрасывали листовки в защиту арестованного генерала Петра Григоренко. На следующий день они оба были высланы из СССР.

1974. 24 октября

После войсковой операции с участием вертолетов (ожидали вооруженное сопротивление) органы КГБ захватили на хуторе Лигукалис (Латвия) типографию издательства «Христианин» Совета Церквей евангельских христиан-баптистов, работавшую несколько лет в подполье. Типография отпечатала десятки тысяч экземпляров Евангелия, другую религиозную и учебную литературу, а также журнал «Братский вестник». 7 сотрудников типографии были арестованы и осуждены на 3 года лагеря общего режима каждый.

1984. 7 октября

В Ленинградской тюремной больнице умер Валерий Марченко — выдающийся украинский публицист, пере-

водчик и литературный критик, многолетний политзаключенный. В 1973 г. он был приговорен к 6 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки, в 1983 г. — к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки. Ему вменялось в

вину авторство, распространение и попытки передать на Запад произведения, имеющие резкую антисоветскую и антироссийскую направленность. Валерий Марченко — автор очерков «Что помогло ему выстоять», «Открытое письмо деду» и других.

1989. 13 октября

Близ города Борити Харагаульского района Грузии погиб в автокатастрофе Мераб Костава — музыковед, правозащитник, политзаключенный, член Инициативной группы по защите прав человека в Грузии. Костава был активным автором Самиздата, одним из лидеров движения за отделение Грузии от СССР в конце 1980-х гг.

1994. 18 октября

В Москве, в редакции газеты «Московский комсомолец», был убит (подорвался на mine-ловушке) журналист Дмитрий Холодов, занимавшийся разоблачением коррупции в Российской армии. Холодов писал о современной Российской армии, побывал во многих горячих точках — в Абхазии, Чечне, Азербайджане, на таджикско-афганской границе. Его убийцы до сих пор не найдены.

1924. Ноябрь

Разгорелось противоборство в партийном руководстве СССР. Лев Троцкий опубликовал книгу «Уроки Октября», где впервые сделал достоянием широкой общественности сведения о «трусости» Зиновьева и Каменева в дни Октябрьского переворота 1917 г. Пройдет немногим более года, и октябрьская позиция Каменева и Зиновьева станет интерпретироваться Сталиным и его союзниками как «капитулянтство» и «пораженчество». Обвинения в их адрес по этому поводу будут становиться все более злобными, вплоть до трактовок в «Кратком курсе» их поведения в 1917 г. как действий «презренных изменников» и «предателей». Оба «старых большевика», Григорий Зиновьев и Лев Каменев, расстреляны в 1936 г.

1929. 21 ноября

Постановлением ЦИК СССР все должностные лица, отказывающиеся вернуться в СССР из загранкомандировок, были объявлены вне закона. Этот закон рассматривал лиц, отказавшихся вернуться в СССР, как перебежчиков в лагерь

врагов, квалифицировал их действия как измену, влекущую объявление вне закона, последствием чего были конфискация всего имущества осужденного и расстрел его через 24 часа после удостоверения личности. Этот драконовский закон был вызван скандальным бегством из советского посольства в Париже дипломата Григория Беседовского, исполнявшего обязанности посла.

1934. 25 ноября

В Кисловодске умер Михаил Сергеевич Грушевский, выдающийся украинский историк, общественный и политический деятель, в 1917–1918 гг. председатель Центральной Рады, глава первого суверенного украинского государства в XX в. С 1930 г. Грушевский подвергался репрессиям и преследованиям со стороны силовых структур. Его обвинили в «контрреволюционной деятельности» и инкриминировали участие в антисоветском Украинском национальном центре, требовали от него признания в организации террористических актов и покушений на партийных деятелей. Репрессиям подверглись большинство его учеников и сотрудников, которые работали с ним в 1920-е гг.

1939. 30 ноября

После отказа финского правительства передать часть территории Финляндии Советскому Союзу Красная армия без объявления войны вторглась на территорию этой страны. В первом же занятом населенном пункте (г. Териоки) было создано марионеточное правительство «Финляндской народной республики», заключившее «договор» с СССР о военной помощи. Началась советско-финская война. СССР был исключен из Лиги Наций. Потери советских войск в войне составили: безвозвратные — около 130 тысяч человек, санитарные — около 265 тысяч человек. Предполагается, что около 22% из них составили потери от обморожений. Безвозвратные потери финских войск — около 23 тысяч человек, санитарные — свыше 43 тысяч человек.

В ночь на 13 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор, по которому Финляндия уступила СССР около десяти части своей территории и обязалась не участвовать во враждебных СССР коалициях.

1949. 14 ноября

Вышел приказ Комитета по делам искусств при Совете министров СССР о закрытии с 1 декабря 1949 г. Государственного еврейского театра в Москве (ГОСЕТА) «в связи с низкой посещаемостью и тяжелым финансовым положением». Еврейская культура в СССР была уничтожена. Реальными причинами закрытия театра стали борьба с «космополитами» — идеологическая кампания, направленная против той прослойки советской интеллигенции, которая рассматривалась как носительница скептических и прозападных тенденций, и разгром Еврейского антифашистского комитета. По делу ЕАК были казнены инициатор создания ЕАК, бывший руководитель

Совинформбюро и заместитель министра иностранных дел С.А.Лозовский, еврейские литераторы П.Д.Маркиш, И.С.Фефер, Д.Р.Бергельсон, Л.М.Квитко, Д.Н.Гофштейн, художественный руководитель и актер Государственного еврейского театра в Москве В.Л.Зускин, главный врач Центральной клинической больницы им. Боткина Б.А.Шимелиович, журналисты и переводчики И.С.Юзефович, Л.Я.Тальми, И.С.Ватенберг-Островская, Э.И.Теумин. Перед судом предстали и проходившие по этому делу академик физиолог Л.С.Штерн, которую не расстреляли, выслан на пять лет в Казахстан, и бывший заместитель министра Госконтроля РСФСР С.Л.Брегман, умерший в санчасти Бутырской тюрьмы в январе 1953 г.

1954. 10 ноября

Результатом противоборства в высшем руководстве между Хрущевым и Маленковым стало постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Маленков не позволил Хрущеву начать новый виток антирелигиозной кампании. Антирелигиозная пропаганда в СССР была свернута после начала Великой Отечественной войны. Хрущев возобновил ее в 1959 г., когда стал единоличным лидером партии и государства. В 1959 г. РПЦ имела 47 монастырей, к середине 1960-х гг. их осталось 16. Число монашествующих, сохранивших монастырскую прописку, сократилось с 3 тысяч до 1,5 тысячи.

1969. 4 ноября

А.И.Солженицын был исключен из Союза писателей СССР «за антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений устава СП СССР» (ХТС №11, 1969 г.). Когда сообщение об исключении появилось в печати, Солженицын ответил обращением к секретариату СП, которое получило широчайшее распространение в Самиздате: «Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что идете в сторону, противоположную той, которую объявили... Кто не хочет отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтобы они гнили там».

1979. 1 ноября

В Москве были арестованы два известных правозащитника — Татьяна Великанова, организатор выпуска «Хроники текущих событий», и руководитель Христианского комитета защиты прав верующих Глеб Якунин, автор сотни материалов и документов, свидетелевавших о нарушениях прав верующих в СССР и имевших широкий резонанс за рубежом. Великанову приговорили к 4 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, Якунина — к 6 годам лагерей.

1989. 14 ноября

Верховный совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

На снимках: Портреты Сталина и Тито на первомайской демонстрации 1946 года в Белграде. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва.

Дмитрий Холодов. Скан газеты «МК», 2012 г. Валерий Марченко в ссылке, 1979 г. Фото из архива Международного «Мемориала».

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали

Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельичева

Литературный редактор Ф.В.Шведовский

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 152 от 23.10.2019 г. (октябрь – ноябрь 2019). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно